

Рампа

Годъ изданія первый. № 7.

НОВЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

✻ ✻ РАМПА ✻ ✻

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

„Рампа“ ставитъ своей задачей обслуживаніе интересовъ русскаго театра, какъ съ эстетически-художественной, такъ и бытовой стороны, кладя въ основу съ одной стороны завѣты лучшихъ представителей русской художественной мысли, съ другой—текущіе интересы актерской семьи.

ВЪ ЖУРНАЛЪ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

Т. Ардовъ, Н. Бассъ, И. Барышовъ (Мясницкій), Е. Берлинраутъ, Э. Бескинъ, Г. Бурдь-Восходовъ, проф. Л. Владиміровъ, А. Воронниковъ, О. Гзовская, В. Гиляровскій, Э. Гольденвейзеръ (Нью-Йоркъ), Г. Гольдштейнъ (Pierre d'Or—завѣдующій художественнымъ отдѣломъ) М. Гиршманъ (Берлинъ), А. Дервишъ, В. Ермиловъ, Н. А. Ефреимовъ (Ярославль), П. Звѣздичъ (Вѣна), Е. П. Карповъ, А. Косоротовъ, Лозгринъ (Одесса), Я. Львовъ, Э. Маттернъ, Л. Мунштейнъ (Lolo), П. Морочникъ, Вл. Немировичъ-Данченко, Ваз. Немировичъ-Данченко, В. Никулинъ, П. Оленинъ, Е. Питоевъ (Парижъ), И. Платонъ, А. Плещеевъ, А. Полевой, И. Поповъ, М. Пуаре, С. Разумовскій, А. Сабуровъ (Парижъ), Я. Сацъ, П. Сергѣенно, Скиталецъ-Яновлевъ, П. Снуратовъ, М. Суkenниковъ, А. Сулержицкій, кн. Сумбатовъ (Южинъ), А. Тези (Вѣна), В. Хавкинъ (Ростовъ-на-Дону), И. Шмитъ (Рудинъ), М. Шикъ, М. Эйшикинъ (Кіевъ), С. Яблоновскій, Яновъ и друг.

Считая одной изъ важнѣйшихъ задачъ своей программы послынную помощь въ дѣлѣ развитія провинціального театра, редакція привлекла къ обслуживанію этого отдѣла, въ качествѣ постоянныхъ корреспондентовъ, представителей мѣстной провинціальной печати.

Новыя постановки и выдающіеся моменты театральной жизни, какъ русской, такъ и иностранной, найдутъ себѣ мѣсто въ журналѣ въ видѣ фотографій и рисунковъ нашихъ художниковъ.

Въ крупнѣйшихъ центрахъ Европы „Рампа“ имѣетъ своихъ корреспондентовъ.

Подписная цѣна: годъ—6 р., полгода—3 р., 3 мѣсяца—1 р. 50 к., мѣс. 60 к.

Цѣна отдѣльнаго номера—15 копѣекъ.

Подписная цѣна съ 31-го августа по 1-е января 1909 г.—2 р. 50 к.

Объявленія: впереди текста—75 к., позади—50 к. со строки петита.

Со всѣми запросами и подпиской обращаться по адресу: Мясницкая, д. насл. Янановыхъ, ред. журн. „Рампа“.

Редакторы-издатели: { Л. Т. Мунштейнъ (Lolo).
Э. М. Бескинъ.

ОПЕРА С. И. ЗИМИНА.

НОВЫЙ ТЕАТРЪ.

5-го, утр., по уменьш. пѣнамъ: „Черевички“. Уч.: г-жи Клопотовская, Правдина, гг. Эрнстъ, Вѣковъ. Веч.: „Гугеноты“. Уч.: г-жи Южина, Норская; гг. Каржевнъ, Каміонскій, Запорожецъ, Шувановъ.

6-го — „Евгеній Онѣгинъ“.

7-го въ 3 й разъ: „Скоморохъ“. Цѣны обыкновенныя. Въ непрод. времени пред. буд., съ уч. В. В. Люце: „Сказка Гофмана“. Предвар. запись на билеты принимается въ кассѣ театра.

Начало утреннихъ спектаклей въ 12½ час. дня, вечернихъ въ 8 час. вечера.

Билеты продаются въ кассѣ театра, съ 10 час. утра до 10 час. вечера.

Дирекція С. И. Зиминъ.

МОСКОВСКІЙ НѢМЕЦКІЙ КЛУБЪ.

Въ воскресенье, 5-го октября, 1908 года

Третій Семейный Вечеръ.

Труппою драматическихъ артистовъ клуба представлено будетъ

„ЦѢНА ЖИЗНИ.“

Пьеса въ 4 д. Вл. И. Немировича-Данченко.

Начало ровно въ 8 час. вечера.

По окончаніи **ТАНЦЫ** до 3-хъ ч. ночи.

Дирижеръ танцевъ В. Д. Мухинъ.

Оркестръ Александровскаго военнаго училища.

Зимній Сезонъ.

комическая опера

„ФРИНГА“

Музыка Ф. Ф. Эккертъ.

Дирекція А. Э. Блюменталь-Тамарина

По окончаніи оперетты въ зеркальномъ залѣ

КОНЦЕРТНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ

при участіи иностранныхъ артистовъ, никогда не бывшихъ въ Россіи.

Театръ заново роскошно отдѣлать.

Начало оперетты въ 8 ч. в., концертнаго отдѣл. въ 12 ч. н., окончаніе въ 4 ч. у.

Первоклассный ресторанъ. Образцовая кухня г. Маркова. Билеты можно получать заблаговременно въ кассѣ театра съ 11 ч. утра ежедневно.

Дьяволъ (Чортъ)

Ком. въ 3-хъ д. изъ совр. жизни Фр. Мольера, перев. Е. Я. Берлинраута и Д. Д. Языкова. Реперт. театра Корша текущ. сезона.

Цѣна 2 рубля.

Изд. бібліотеки М. А. Соколовой, (Москва, уг. Тверской и Газетнаго, д. Фальць-Фейна.

ПОСЛѢДНЯЯ НОВИНКА СЕЗОНА „Нагая женщина“

Пьеса въ 4 д. Батайля, перев. Е. Я. Берлинраута и Д. Д. Языкова (въ этомъ переводѣ принята къ пост. на сценѣ театра Корша). Безусл. разрѣш. къ представлению.

Цѣна 1 рубль.

Продается въ редакціи журн. „Рампа“

СЕНСАЦІОННАЯ НОВИНКА

ПАРИЖСКИХЪ ТЕАТРОВЪ

„Король Воробъ“

(КОНЕЦЪ ПРИКЛЮЧЕНІЙ ШЕРЛОКА ХОЛМСА).

Пьеса въ 5 д. и 6 карт. ПЬЕРА ДЕ-КУРСЕЛЬ, перев. Е. Я. Берлинраута и Д. Д. Языкова. Безусл. разрѣш. къ представл. Реперт. московск. театровъ. Изд. бібліотеки С. Ф. Разсохина (Москва, Георгіевскій пер.).

Цѣна 2 рубля.

СМОТРИТЕ СЕГОДНЯ И ЕЖЕДНЕВНО
въ театрѣ „Эрмитажъ“

новый пикантный фарсъ, идущій въ три акта при непрерывномъ смѣхѣ

„ПАНСИОНЪ М-me СЕРАФЭНЪ.“

С. В. САБУРОВЪ.

ВСѢ НОВѢЙШІЕ МОДНЫЕ ДУХИ

ФРАНЦУЗСКІЕ, АНГЛІЙСКІЕ, АМЕРИКАНСКІЕ. НѢМЕЦКІЕ И РУССКІЕ.

ОДЕКОЛОНЫ, ТУАЛЕТНЫЯ ВОДЫ, ГРИММЪ ДЛЯ ТЕАТРА
ПУДРА, КРЕМЫ И ВОДЫ INSTITUS de BEAUTÉ въ ПАРИЖѢ.

ТУАЛЕТНЫЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ: щетки, гребни, пудреницы и пр.

ПРИ АПТЕКАРСКОМЪ МАГАЗИНѢ МОСКОВСК. АКЦІОНЕРН. ОБЩЕСТВА

К. ЭРМАНСЪ И К^о.

ТВЕРСКАЯ, УГОЛЬ ГАЗЕТНАГО ПЕРЕУЛКА, ДОМЪ ФАЛЬЦЪ-ФЕЙНА.

„Синяя Мышь“.

Комедія-фарсъ въ 3-хъ дѣйствіяхъ
Энгеля и Хорста. Пер. Э. Маттерна.

Цѣна 1 р. 50 к.

Выписывать можно изъ конторы
журнала „Рампа“.

Рампа

№ 7.

Нервы. — Искусство и критика. *Вл. Немировича-Данченко*. — «Кризисъ театра» *Як. Львова*. — Фельетонъ «Рампы». Очередной режиссеръ. Разсказъ *И. Платона*. — Отъ редакціи. — Въ астральной сферѣ. *Т. Ардова*. — Станиславскій и Метерлинкъ. *Э. Бескина*. — Анкета (о кievскомъ инцидентѣ). *Лоло*. — Москва. — Письма въ редакцію. — Петербургъ. — Петербургскія письма. *Шмеля*. — Оперетта въ Петербургѣ. *И. Мор*. — Провинція.

Портреты: *В. Люце*. — *О. Н. Миткевичъ*. — † *І. Тихоміровъ*.

Шаржи и каррикатуры: «Мысленно и душой съ вами (Метерлинкъ и Художественный театр)». — *Пуришкевичъ* пишетъ пьесу. — «Горе отъ рецензентовъ или новые порядки въ театрѣ «Соловцовъ» (фарсъ въ 4-хъ дѣйствіяхъ).

Москва.

Самоубійство Раковского... Самоубійство Тихомірова... На протяжении какихъ-нибудь 10 дней. Какъ будто что-то роковое. Стихийное. Объ этихъ самоубійствахъ много говорятъ, комментируютъ. И, въ конечномъ итогѣ, видятъ причину причинъ въ той нервной взвинченности, въ которой живутъ дѣятели сцены. Съ этимъ моментомъ, конечно, приходится считаться. Несомнѣнно, нервная атмосфера театра скорѣй можетъ привести къ потерѣ равновѣсія душевнаго, скорѣй, чѣмъ какой-либо другой видъ занятій. Но сваливать, съ другой стороны, все на нервы, значило-бы подходить къ вопросу сбоку, видѣть его въ одностороннемъ освѣщеніи. Въ значительной степени мы относимъ и самую нервную взвинченность за счетъ безалаберщины и хаоса нашихъ театральнхъ нравовъ. Возьмемъ покойнаго Раковского. Человѣкъ стрѣляется изъ-за того, что его лучший другъ и лучшая сила труппы, актеръ Желябужскій, не пріѣхалъ въ Красноярскъ, а предпочелъ служить въ Петербургѣ у Коммиссаржевской. Сезонъ нельзя было открыть, и несчастному Раковскому не оставалось ничего другого, какъ перерѣзать себѣ горло бритвой. Ну, а поступокъ г. Желябужскаго, создавшаго это самоубійство, что такое? Нервы? Неужели для нервовъ г. Желябужскаго Петербургъ оказался полезнѣе Красноярска? Нѣтъ, это именно и есть неразбериха и безалаберность театральнхъ нравовъ. Взять авансъ и подписать контрактъ къ одному, а поѣхать служить къ другому, это въ порядкѣ вещей. Въ этомъ ничего страшнаго. А между тѣмъ это «нестрашное» и осложняетъ жизнь актера. Оно создаетъ отсутствіе того минимума нравственно-правового уклада, который хотя-бы во внѣ давалъ элементы покоя и позволялъ-бы всѣмъ нервы, цѣликомъ, переносить уже на чистое искусство, на самую сцену. Нравы кулисы вопіютъ о пересмотрѣ и каждое новое самоубійство служитъ только напоминаньемъ объ этомъ.

Искусство и критика.

Жаль, если случай въ кievскомъ театрѣ пройдетъ безслѣдно. Важно не то, кто въ этомъ скандалѣ правъ, кто виноватъ, — важно, чтобъ актеры поняли, наконецъ, взаимоотношенія между театромъ, — т.-е. актерами съ ихъ дирекціей, — и печатью.

Мнѣ не въ первый разъ приходится высказываться по этому вопросу, и мой взглядъ остается неизмѣннымъ: я не признаю никакой органической связи между людьми искусствъ и ихъ рецензентами. Когда они говорятъ другъ другу, на банкетахъ или въ печати, о солидарности, о необходимости работать «рука объ руку» и т. п., то это все — не болѣе, какъ сладкій сентиментализмъ. Рецензенты — представители общества, обязанные отдавать ему отчетъ о томъ, что дѣлается въ театрѣ, въ литературѣ, въ музыкѣ, въ живописи. Они могутъ быть талантливы, бездарны, образованы, невѣжественны, искренны, недобросовѣстны, съ развитымъ вкусомъ и пошляки, — это не наше дѣло, это дѣло самого общества и его органовъ — газетъ и журналовъ. Мы относимся къ ихъ статьямъ съ чувствомъ удовлетворенія, досады или возмущенія совершенно также, какъ ко всему неизбѣжному, что намъ помогаетъ или мѣшаетъ работать. Если публика не оцѣнила какой-нибудь новой формы красоты, которую мы принесли въ искусство, то мы досадуемъ, что не нашлось ни одного представителя этой публики, который бы растолковалъ ей въ чемъ дѣло, и тѣмъ помогъ намъ. Но вѣдь въ то же время, если публика увлекается пошлостью, которую мы ей преподносимъ, то мы испытываемъ чувство благодарности къ рецензентамъ, которые также восхищаются этой пошлостью и курятъ намъ фіміамъ... Можемъ ли мы быть справедливыми судьями нашихъ собственныхъ произведеній? — Конечно, нѣтъ. Бываетъ множество случаевъ, когда публика не цѣнитъ прекраснаго и только одинъ — два критика поддерживаютъ въ насъ вѣру, и черезъ нѣсколько лѣтъ испытаній мы оказываемся побѣдителями. Но вѣдь бываетъ и обратное. Публика восхищается нами и только одинъ — два критика отравляютъ всеобщую радость, а черезъ нѣсколько лѣтъ оказывается, что правы то были эти двое. А сколько разъ за это время мы называли ихъ недобросовѣстными или невѣжественными! Говорятъ, — нельзя выражать свои мнѣнія въ слишкомъ рѣзкой формѣ. Но вѣдь это уже менѣе важно. Важна правда въ существѣ своемъ.

У тѣхъ, кто работаетъ съ любовью и съ вѣрой, есть одно утѣшеніе: рано или поздно восторжествуетъ только то, что истинно прекрасно.

Я вовсе не хочу сказать, что надо относиться совершенно индифферентно къ недобросовѣстности, безвкусицѣ, безграмотности, невоспитанности тона, ко всему тому, что пачкаетъ газеты и мѣшаетъ имъ самимъ завоевать прочное довѣріе общества. Но мы проявляемъ узость мысли, мелочность уязвленнаго самолюбія, какую то профессиональную нетерпимость, если возмущаемся плохими рецензентами сильнѣе, чѣмъ всѣмъ, что составляетъ нашу дурную, неустроенную, некультурную, грубую жизнь. Спросите у кievскихъ актеровъ и у ихъ директора, когда и при какомъ случаѣ они выражали еще свой протестъ въ такой рѣзкой формѣ? Было ли когда-нибудь, чтобъ директоръ отмѣнилъ спектакль, потому что цензура изъяла изъ пьесы самую важную ея часть? Или потому что мѣстная администрація приказала вычеркнуть нѣсколько значительнѣйшихъ фразъ? Было ли когда-нибудь, чтобъ режиссеръ вышелъ передъ публикой и заявилъ, что артисты отказываются играть, если публика не будетъ сидѣть на мѣстахъ до открытія занавѣса? Заявляли-ли когда-нибудь актеры своему режиссеру, что они не станутъ играть, пока имъ не будетъ дано достаточно репетицій, чтобъ добросовѣстно подойти къ спектаклю? Требовали они когда-нибудь отъ своего директора, путемъ коллективнаго протеста, чтобъ онъ замѣнилъ явно недобросовѣстнаго актера, мѣшающаго имъ работать,—другимъ?

А появился рецензентъ, который предъявилъ къ нимъ слишкомъ высокія требованія,—можетъ быть, даже въ рѣзкой формѣ,—и они потеряли самообладаніе... И директоръ, вмѣсто того, чтобы просто отмѣнить спектакль и уладить инцидентъ, допустилъ въ стѣнахъ своего театра скандалъ.

Пусть каждая профессія сама работаетъ надъ усовершенствованіемъ своей этики,—актеры надъ своей, журналисты надъ своей. Иначе имъ всегда можно будетъ сказать: «Врачу, исцѣлися самъ!» Если-бы эта группа кievскихъ актеровъ любила свое дѣло больше, чѣмъ свои репутаціи и если-бы ихъ воля была направлена прежде всего на созданіе того цѣлаго, которое достигается дружнымъ исполненіемъ пьесы, то въ ихъ душахъ не хватило-бы мѣста для мелкаго бунта. То большое, то священное, чѣмъ онѣ были-бы охвачены, вытѣснило-бы все второстепенное, все мелочно раздражающее...

Вл. Немировичъ-Данченко.

„Кризисъ театра“.

Такое многообѣщающее заглавіе красуется на не особенно объемистой книгѣ въ скромной зеленой обложкѣ, только что выпущенной книгоиздательствомъ «Проблемы искусства».

Въ книгѣ пять статей. Изъ нихъ четыре трактуютъ о новой драмѣ, о новомъ театрѣ, о бытѣ, мистеріи, а пятая, принадлежащая перу В. Чарскаго, не задаваясь такими широкими задачами, пытается дать очеркъ дѣятельности Художественнаго театра.

Книга эта для нашего момента весьма и весьма примѣчательна. Она вѣнчается собой долго съ трудомъ и тщательностью возводимое зданіе теории марксистскаго искусства, даетъ «Евангеліе театра прибавочной стоимости», пытается создать мощный противоеѣсъ безумной, но яркой и мучительно-увлекательной книгѣ «Шиповника».

Опера С. И. Зумина.

В. Люце.

И въ «Кризисѣ театра» все характерно, все кричитъ о «политическихъ факторахъ», начиная съ самой обложки.

Скромная, грязновато-зеленая бумага съ скромными буквами заглавія какъ бы бросаетъ вызовъ причудливой и замысловатой обложкѣ «Шиповника».—«Вашъ театръ—это театръ сытаго развлечения, театръ съ жиру бѣсящейся буржуазіи, онъ нуждается въ украшеніяхъ и въ «исканіяхъ». А намъ, людямъ театра утилитарнаго, театра социальнаго-экономическаго, не требуется никакихъ погрешекъ!»

И эта обложка предопредѣляетъ собой все содержаніе сборника, который посвященъ весь одной цѣли—доказать зависимость театра отъ экономическихъ факторовъ, свести законы развитія театра къ законамъ развитія «современнаго машиннаго производства».

Всѣ пять авторовъ стремятся свести насъ съ заоблачной церкви Бранда, отъ хотя разбитаго, но могучаго колокола литейщика Генриха на задворки современной фабрики къ тѣмъ ткачамъ, отъ которыхъ бѣжалъ къ загадочной и вѣчно-плѣнительной Раутенделейнъ самъ Гауптманъ.

И прочитавъ всѣ пять статей сборника, въ которыхъ множество *отдельныхъ* весьма любопытныхъ положеній, я пришелъ въ нѣкоторое изумленіе. О чемъ—собственно—волнуются авторы зеленого сборника? Вѣдь по ихъ глубокому убѣжденію никакого кризиса театра нѣтъ, о чемъ весьма опредѣленно заявляетъ самый откровенный, самый простоватый авторъ Ю. Стекловъ.

Вотъ что говоритъ онъ въ своей статьѣ «Театръ или кукольная комедія».

«Ни одинъ изъ нихъ (адептовъ «новаго театра») не догадается спросить себя: да полно,—существуетъ ли этотъ кризисъ, не имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ бурей въ стаканѣ воды, которая бушуетъ тѣмъ сильнѣй, чѣмъ уже ея районъ дѣйствія?»

И тутъ-же Стекловъ самъ весьма категорически отвѣчаетъ на свой вопросъ:

«До сихъ поръ искусство, въ томъ числѣ и театральное, въ силу денежнаго характера человѣческихъ отношеній, являлось удѣломъ сравнительно ограниченныхъ кружковъ. Среди этихъ баловней судьбы быстро наступаетъ пресыщеніе и — единственный результатъ — недовольство настоящимъ и истерическая погоня за новизной».

Вотъ къ чему сведена вся суть мучительныхъ исканій, которымъ и цѣна-то вся — по мнѣнію г. Стеклова — грошь ломанный, ибо «народъ еще не знакомъ съ тѣмъ натуралистическимъ театромъ, который всѣ Мейерхольды готовы утопить въ ложкѣ воды, и здоровыя трудящіяся массы съ восторгомъ встрѣчаютъ тѣ произведенія драматическаго искусства, которыя декадентская клика силится изобразить какъ превозведенный этапъ».

И это, въ сущности, — лейтъ-мотивъ книги.

Если нѣкоторые авторы и недовольны реалистическимъ театромъ, то только его индивидуалистической отраслью да еще романическими развѣтвленіями, и рецептъ исцѣленія, въ сущности, весьма и весьма незамысловатый.

Къ чему стремиться въ недостижимую высь идеализма и символизма, когда все дѣло въ хозяйственной организациі, социально-экономическихъ факторахъ?

Нѣтъ никакихъ особенныхъ таинственныхъ имманентныхъ законовъ для театра, который ни что иное, какъ «одна изъ наиболѣе красивыхъ идеологическихъ надстроекъ». (Шулятниковъ — «Новая сцена и новая драма»).

Г. Чарскій въ своемъ очеркѣ о Художественномъ театрѣ, замѣчая, что все значеніе этого театра лишь въ томъ, что онъ въ періодъ подъема у насъ общественнаго сознанія поставилъ нѣсколько социальныхъ пьесъ, дѣлаетъ упрекъ театру за то, что онъ не ставитъ чисто прикладныхъ пьесъ, въ родѣ «Дурныхъ пасторовъ» Мирбо, «Евреевъ» Чирикова да пьесъ, рисующихъ гнетъ нѣмецкой военщины.

Выводъ отсюда ясный. Найдись такой реалистическій театръ, который сдѣлалъ бы цѣны очень дешевыми да составилъ бы репертуаръ изъ перечисленныхъ пьесъ и имъ подобныхъ и — конченъ былъ бы кризисъ и спасенъ былъ бы Римъ.

Просто! Не правда ли, читатель?

Есть, впрочемъ, еще одинъ элементъ, который беспокоитъ правовѣрныхъ изъ «Кризиса театра».

Это — публика, общественная среда, общество...

Только въ будущемъ социально-реформированномъ по рецепту авторовъ «Кризиса театра» общество возможно настоящий театръ, ибо нашъ театръ достигъ грани, за которой начинается уничтоженіе. И только тогда, когда не будетъ противорѣчій между собственниками и производителями, между господами и подчиненными, сцена сольется съ публикой и — будетъ истинный театръ, театръ коллективистическій.

У г. Фриче тутъ еще есть хоть точка соприкосновенія съ тѣмъ соборнымъ дѣйствомъ, о которомъ мечтаютъ гг. модернисты. А остальные авторы всю суть исканій сводятъ къ закону свободной конкуренціи и къ стремленіямъ къ экономіи издержекъ производства.

И вся стилизациа, все стремленіе къ упрощенію вызвано только желаніемъ сэкономить нѣсколько рублей на лишній аршинъ декоративнаго полотна и на нѣсколько десятковъ статистовъ.

Да иначе и быть не можетъ. Вѣдь театръ — экономическая организациа опредѣленнаго типа, и тѣ вопросы, которые волнуютъ промышленниковъ, должны волновать и вершителей судьбы театра!

И все въ этомъ родѣ: и лиризмъ пьесъ Блока, и герои Андреева — все имѣетъ подоплекой «организацию производства и является слѣдствіемъ социальныхъ условій профессій ихъ «авторовъ».

А пока нельзя ожидать измѣненій этихъ условій, нечего и говорить о «новомъ театрѣ». Онъ быстро и неизбежно придетъ къ синемаграфу, ибо этого требуетъ желѣзный законъ «прибавочной цѣнности».

Я думаю, нечего говорить о томъ, насколько узка и ограничена эта точка зрѣнія.

Время преклоненія передъ ортодоксіей социаль-демократіи проходитъ. Проходитъ и ложное значеніе экономическихъ факторовъ въ жизни искусства.

Театръ гордъ. У него свои законы. Они — въ мраморномъ бѣломъ храмѣ, высоко надъ землей!

Не старайтесь низвести его къ себѣ, въ чадъ фабричнаго дыма! Вы его не любите и не понимаете!

Я не раздѣляю крайностей и ломаній авторовъ «Шиповника». Но они, по крайней мѣрѣ, страстно любятъ театръ. Они мучаются крестными муками тайны новаго искусства и они ближе мнѣ, чѣмъ вы, холодно разложившіе по своимъ полочкамъ элементы театра и не стремящіеся къ гордому театру...

Никогда вамъ не подняться до бѣлаго храма, до заоблачной церкви Бранда!

Як. Львовъ.

Фельетонъ „Рампы“

ОЧЕРЕДНОЙ РЕЖИССЕРЪ.

РАЗСКАЗЪ

М. Платона.

(Продолженіе).

— Здѣсь, — робко указываетъ Пушкивъ.

— Молчите, проклятыя струны! Кожевниковъ, поставьте... У него нѣтъ ни малѣйшей памяти...

— Я, было, думалъ, Михаилъ Ивановичъ, — началъ Пушкивъ.

— Здѣсь дверь, здѣсь диванъ, здѣсь каминъ... Вѣдь это мы репетируемъ въ седьмой разъ... Гдѣ ваша голова?..

Головы дѣйствительно не было.

— Странно какъ, — часто думалъ Пушкивъ — вѣдь вотъ дома все ясно, пока не волнуешь... И все, все себѣ представляю, что, гдѣ... а какъ приду въ школу, на народъ, все вдругъ и перепутается въ головѣ... всѣ окна, двери, столы, стулья, диваны... Усталъ...

Пушковъ завелъ книжечку, гдѣ обстоятельно записывалъ все: и входы, и выходы, и обстановку, и бутафорію.

И это не помогало.

Станетъ, бывало, съ книжечкой и поставитъ все наоборотъ.

— Пушкивъ, пощадите!.. Что вы дѣлаете?

— Виноватъ... я книжку перевернулъ... Надо отъ зрителя, а я взялъ отъ актеровъ...

И мысли побѣжали врозь. Вонъ одна, точно искорка, полетѣла и спряталась подъ рояль, другая передъ самымъ носомъ нырнула въ суфлерскую будку, третья...

Михаиль Ивановичъ хмурился, а Кожевниковъ давно перетаскивалъ обстановку съ одной стороны на другую.

— Самостоятельную постановку, говорите?

Чтожъ, можно, я подумаю...

Для Михаила Ивановича былъ хорошій день. Вчера прошелъ удачно спектакль третьяго курса.

— Я подумаю... Выберу вамъ пьеску...

— Я выбралъ, Михаилъ Ивановичъ... «Волчьи зубы»...

— Зубы?..

— Зубы...—твердо выговорилъ Пушковъ.

— Чья пьеса?

Пушковъ назвалъ.

— Хорошая? Литературная?

— Н-да... я вамъ принесу экземпляръ...

— Ладно... Такъ вы ужъ и роли распредѣлите сами и приготовьте mise-en-scène... Ладно... Да будетъ!..

Съ тѣхъ поръ «Волчьи зубы» стали для Пушкова чѣмъ-то близкимъ, роднымъ... Онъ переплелъ экземпляръ съ золотымъ обрѣзомъ, всѣ поля испещрилъ карандашными замѣтками о переходахъ и нюансахъ. Въ отдѣльной театради начертилъ планы комнатъ и обстановки и мѣнялъ ее много, много разъ, когда его осѣняла новая блестящая комбинація.

— Всѣ эти промахи на школьныхъ репетиціяхъ—это пустяки, — утѣшалъ онъ себя—навыка нѣтъ, волнуясь на народѣ... за то вотъ ужъ «Волчьи зубы»... го-го!..

Онъ лукаво улыбался и подмигивалъ себѣ въ большое зеркало въ залѣ.

Почти каждую недѣлю онъ мѣнялъ распредѣленіе ролей.

— Хочу быть дерзкимъ!—разъ сказалъ себѣ Пушковъ—и вмѣсто ученицы Подгорской роль няньки назначилъ Кожевникову, тому самому Кожевникову, который всегда поправлялъ на сценѣ его режиссерскія ошибки и имѣлъ скуластое калмыцкаго склада лицо.

— Онъ дастъ типъ... это смѣло... но онъ дастъ типъ!..

На третій курсъ Пушковъ перевалилъ еле-еле. На лѣто уѣхалъ въ родной городъ къ теткѣ и тамъ неожиданно для себя—женился.

Все гулялъ-гулялъ по вечерамъ по бульвару съ дочерью покойнаго казначея Юлинькой Мухиной да вдругъ и сдѣлалъ ей предложеніе.

— Спокойная кабинетная работа теперь для меня всего важнѣе,—думалъ Пушковъ,—а какое же спокойствіе у холостого? Жена, самоварчикъ, добрый совѣтъ... Иногда одно слово вздымаетъ въ головѣ бурю новыхъ образовъ, новыхъ картинъ... Женюсь...

И послѣ Петрова дня женился.

Юлинька была маленькое-маленькое миловидное созданіе. Когда, послѣ мытья головы, она показывалась супругу, Пушкову самому казалось дивно, до чего мала была у его жены голова.

— Мокрый воробушекъ,—называлъ ее Пушковъ.

А Юлинькѣ нравилось школьное прозвище мужа. Она ласкала его крошечными дѣтскими ручками и все приговаривала:

— Пушечъ, милый... Пушечъ, сладкій...

Пушковъ собиралъ актерскія открытки и по вечерамъ разсматривалъ ихъ съ маленькой женой. За лѣто онъ два раза радикально измѣнилъ mise-en-scène «Волчьихъ зубовъ».

Юлинька, посвященная въ тайнства режиссерства, не выносила шаблона. Всѣ первыя сцены второго

акта должны были происходить въ третьей отъ зрителя комнатѣ. Весь третій актъ вмѣсто «молодцовской», совершенно противно авторской ремаркѣ, рѣшилъ перенести въ «предбанникъ». Это должно было выйти сочнѣе.

Къ концу лѣта Пушковъ подробно разработалъ заново всю инсценировку пьесы и, указывая на книгу плановъ, часто по вечерамъ говаривалъ женѣ:

— Юлинька, тутъ монологъ, на которомъ будетъ стоять мой памятникъ...

— Мо-но-литъ,—протяжно повторяла за нимъ Юлинька и, щекоча его угреватый подбородокъ, шептала:

— Пушечъ милый. Пушечъ сладкій... какой ты умный... Сегодня мамаша сказала, что будетъ высылать намъ 50 рублей въ мѣсяць.

Пушковъ не жилъ, а плылъ въ какой-то тихо покачивающейся лодкѣ и терялъ все болѣе и болѣе способность собирать во-едино причудливыя, какъ узоры облаковъ, обрывки своихъ мыслей.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

Отъ редакціи.

Помѣщая ниже статью г. Ардова о «Синей птицѣ», редакція считаетъ долгомъ заявить, что не со всѣми доводами г. Ардова она согласна,—особенно въ части, касающейся постановки пьесы на сценѣ Художественнаго театра.

Въ астральной сферѣ.

Насъ всѣхъ окружаетъ великое—говоритъ Метерлихъ въ одной изъ своихъ статей о счастьи. Намъ не достаетъ не случая жить на небесахъ, но вниманія, способности сосредоточиться: не достаетъ, быть можетъ, нѣкотораго опьяненія души. *Неужели вы думаете, что если у васъ только одна маленькая комната, то Богъ въ ней не присутствуетъ? Что нѣтъ возможности и въ ней вести жизнь высокую?*

И еще говоритъ онъ:

«Гораздо важнѣе *увидѣть* жизнь, чѣмъ измѣнить ее, потому что она сама измѣняется съ того мгновенія, какъ мы ее увидимъ».

Нужно только *умѣть видѣть*, имѣть даръ къ познанію души вещей, имѣть то второе зрѣніе, которое проникаетъ дальше внѣшнихъ формъ и видитъ сущности, и, тотъ второй слухъ, который слышитъ въ тишинѣ ходъ приближающихся событій.

Есть много людей, одаренныхъ тонкой духовной организаціей, которые часто бываютъ близки къ тому, чтобъ овладѣть этимъ талисманомъ, открывающимъ правду вещей и событій, и жизнь для нихъ является праздникомъ чистыхъ и благородныхъ наслажденій. Мы всѣ, современные люди, съ нашими отзывчиво-болѣзненными нервами гораздо ближе къ этому порогу тайны, чѣмъ, напримѣръ, люди желѣзнаго XIII столѣтія, которые, по сравненію съ нами, представляются слѣпыми, умирающими отъ жажды на берегу рѣчки или—весело пляшущими надъ пропастью.

Еще ближе къ тайнѣ тѣ странныя существа—они встрѣчаются рѣдко—которыхъ называютъ ясно-видящими. Эти, въ дѣйствительности, обладаютъ особыми, въ сто разъ болѣе тонкими чувствами и умомъ, способнымъ мыслить въ иныхъ категоріяхъ, чѣмъ нашъ: для нихъ міръ представляется совершенно инымъ и ихъ взглядъ проникаетъ въ тайники, гдѣ скрывается судьба, гдѣ живутъ гётевскія Матери, гдѣ будущее соприкасается съ прошлымъ. Для этихъ странныхъ людей, служащихъ въ настоящее время объектами изслѣдованій психопатологовъ, почти не существуетъ трансцендентнаго міра. Все физически просто.

Одинъ изъ такихъ людей издалъ недавно въ Лондонѣ книгу съ графическими красочными изображениями формъ чувствъ и мыслей, которыми обмѣниваются между собой люди, его окружающіе,—тѣхъ истеченій психической энергіи, которыми сопровождаются вѣбращіи, соотвѣтствующія гнѣву, любви, радости; онъ видитъ ихъ. Судите сами, какой красотой долженъ сверкать открывающійся передъ нимъ міръ, если, напримѣръ, надъ церковью, гдѣ молятся люди и играетъ органъ, онъ видитъ въ воздухѣ сложную, сверкающую сѣтъ перекрещивающихся тончайшихъ голубыхъ нитей, какъ бы тѣни какихъ то голубыхъ вращающихся кристалловъ.

Но есть дѣти, которымъ хотя и не столь ясно, но все же открыто многое. Странныя дѣти, которыхъ Метерлинкъ называетъ «предупрежденными». Они знакомы большинству людей и почти всѣ матери видѣли ихъ. Кажется, что они ближе къ жизни, чѣмъ другія дѣти, и ничего не подозреваютъ, а между тѣмъ въ ихъ глазахъ таится такая глубокая увѣренность, которая заставляетъ думать, что имъ многое извѣстно и что они употребили не одинъ вечеръ на то, чтобы объяснить себѣ свою тайну. Они рано уходятъ отъ насъ. Они страдаютъ какой то смертельной застѣнчивостью и какъ будто просятъ прощенія въ какой то ошибкѣ, невидимой, хотя близкой. Ихъ взоры менѣе подвижны, чѣмъ взгляды другія дѣтей, и въ ихъ присутствіи иногда безпричинно затихаетъ дѣтское веселье и наступаетъ непонятное молчаніе. Въ ихъ улыбкѣ, сдержанной и тихой, таится какая то не дѣтская важность.

Часто взрослые смѣются и бранятъ ихъ за ихъ причуды: они заговариваются, болтаютъ «зря». То заговорятъ о какихъ-нибудь несуществующихъ вещахъ, то начнутъ бесѣдовать съ неодушевленными предметами, поражая васъ глубокой мудростью мысли; ведутъ цѣлые разговоры съ цвѣтами, съ любимыми вещами—непонятные взрослымъ—и молча, серьезно слушаютъ ихъ отвѣты. Они безъ причины задумываются и плачутъ. Они какъ бы готовятся принять свою судьбу. Матери—эти невольныя и скромныя наперсницы всего невысказаннаго—едва смѣютъ глядѣть на эти странныя переживанія ихъ дѣтей. Онѣ чувствуютъ, что эти дѣти—отмѣчены и что они скоро умрутъ.

Вотъ такихъ дѣтей, обладающихъ могущественнымъ и страшнымъ талисманомъ познанія души вещей и событій, и беретъ Метерлинкъ въ своей дивной сказкѣ о Синей птицѣ, чтобы сказать намъ, что нѣтъ необходимости измѣнять жизнь, чтобы она стала прекрасной, а гораздо важнѣе увидѣть ее, потому что она сама измѣняется съ того мгновенія, какъ мы ее увидимъ.

Нѣтъ необходимости искать по свѣту Синюю птицу истины и счастья—она можетъ спуститься къ намъ вездѣ, ибо и «въ вашей маленькой комнатѣ присутствуетъ Богъ». Нужно только услышать его присутствіе.

Удивительная волшебная сказка, уносящая васъ

далеко-далеко за грани скудныхъ земныхъ возможностей, скучныхъ формъ, застывшая замкнутость и опредѣленность которыхъ такъ восхищаетъ узколобыхъ мудрецовъ, чей «раціоналистическій» разумъ безконечно счастливъ отъ мысли, что существуетъ законъ непроницаемости и дважды два равняется четыремъ. Это откровеніе ясновидящаго. Оно переноситъ насъ въ тѣ сферы, которыя по терминологіи теософической доктрины называются «астральной» и «ментальной» и гдѣ пребываютъ чистое сщущеніе, не стѣсненное предѣлами нашихъ земныхъ чувствъ и чистый разумъ (Манас). Здѣсь стихіи и тайны пляшутъ передъ нами какъ ручные медвѣди на цѣпи, здѣсь души говорятъ другъ съ другомъ безъ посредства несовершенныхъ органовъ, здѣсь предметы превращаются одинъ въ другой, здѣсь нѣтъ тайнъ, и будущее и прошедшее сливаются въ одинъ безконечный кругъ.

Тильтиль и Митиль.. Маленькія, мечтательныя, наивныя дѣти, братъ и сестра.

Бѣдная хижина дровосѣка. Большой очагъ съ желѣзнымъ колпакомъ, убогая утварь, широкое и низкое рѣшетчатое окно. Вечеръ. Тускло горитъ «кухонная» лампочка подъ простымъ бумажнымъ колпакомъ. Мать уложила дѣтей спать—Тильтиль и Митиль лежатъ въ кроваткахъ. Мать тушитъ лампу. Уходитъ, напѣвая колыбельную пѣсенку. Тихо. Мѣрно тикаютъ старыя часы. Сверчекъ трещитъ...

Вдругъ лампочка вспыхиваетъ синимъ огнемъ и плавно поднимается вверхъ. Вотъ она остановилась на высотѣ окна и засвѣтилась ослѣпительнымъ фіолетовымъ сіяніемъ. За сценой—тихая радостная музыка. Окно освѣтилось,—тамъ за окномъ иллюминированныя башни, горятъ огнями елки—сегодня вѣдь рождественскій сочельникъ. Тильтиль и Митиль—бѣдные, Христось не принесъ имъ игрушекъ, потому что не успѣлъ сходить въ городъ.. Но у нихъ есть грезы... Вотъ они смотрятъ въ окно, вскочивъ съ кроватокъ: тамъ праздникъ, другія дѣти прыгаютъ вокругъ елки, ѣдятъ пирожныя. Ахъ, сколько пирожныхъ. Они мечтаютъ... «Тильтиль, мнѣ дали двѣнадцать пирожныхъ». «А мнѣ четырежды двѣнадцать». Дѣвочка плачетъ: «Зачѣмъ ты больше моего взялъ»!...

И неземное смѣшалось съ земнымъ въ грезахъ сна. Сосѣдка Берлэнго какъ-то просила у дѣтей подарить ей больной внучкѣ ихъ птицу, голубя, висящаго въ клѣткѣ у окна... Это было днемъ. А ночью къ нимъ приходитъ фея Пирилюда и проситъ птицу. «Возьмите, пожалуйста, голубя». Нѣтъ! внучкѣ нужна Синяя птица. Тогда она выздоровѣетъ. А эта недостаточно синяя для нея. Вы непременно должны найти Синюю птицу. А для этого вы должны отправиться въ дальнее странствованіе. «Какъ-же мы найдемъ ее?»

И фея даетъ Тильтилю талисманъ: волшебную шапочку съ алмазомъ. Пусть онъ повернетъ алмазь, и всѣ тайны будутъ для него открыты, души предметовъ будутъ видны ему, весь неодушевленный міръ станетъ оживленнымъ. А повернетъ алмазь дальше—и взглядъ его увидитъ страну прошедшаго, страну воспоминаній, а въ другую сторону—тотъ невѣдомый міръ, гдѣ готовятся событія, гдѣ обитаютъ души людей, которые еще должны родиться, и души предметовъ, самыя формы и назначеніе которыхъ еще скрыто отъ ихъ будущихъ создателей, въ царствѣ будущаго, въ царствѣ предопредѣленій.

«Испробуй алмазь». И души предметовъ стали виліи.

Вся бѣдная утварь хижины стала жить.

Все—стѣны, потолокъ, очагъ загорѣлось тысячью огней, засверкало самоцвѣтными камнями. Блестя-

О. Н. Миткевичъ.

(Къ возвращенію на сцену).

шимъ хороводомъ пронеслись передъ дѣтми часы ихъ жизнь, огонь въ очагѣ вдругъ взметнулся и живой, нестерпимо горячій языкъ пламени вылетѣлъ изъ печи и заплясалъ по полу. Вотъ онъ говоритъ съ ними человѣческимъ языкомъ, — «осторожнѣе съ этимъ маленькимъ человѣкомъ въ красномъ плащѣ, онъ сердитый».

Тѣсто лѣзетъ, пыхтя изъ квашни, выше выше... и передъ ними, рыхлый толстякъ въ одеждѣ того цвѣта, какого бываетъ корочка булки—душа хлѣба.

Вода вышла изъ крана и тотчасъ, слѣдуя своему врожденному инстинкту, кинулась на огонь и зашипѣла. Котъ зашипѣлъ на собаку. Сахарная голова прорвала свою синюю обертку и душа сахара, сладкій юноша «рафинаднаго цвѣта» вышелъ на средину комнаты, сторонясь отъ слезоточивой воды, которая ему такъ вредна.

«А вотъ и душа свѣта—ее даю вамъ въ проводники».

И сама старуха фея превратилась въ дивную красавицу...

Ну, пусть они тоже отправляются съ нами въ поиски за Синей птицей. Идемъ! Въ двери? Нѣтъ! Это—устарѣлый способъ. Въ окно—какъ совѣтуетъ котъ? Нѣтъ мы пройдемъ черезъ стѣну...

И таетъ стѣна передъ ними и, сбившись въ кучу, спѣша, всѣ они, шепча «мы пойдѣмъ, мы пойдѣмъ», въ тактъ причудливому маршу, мотивъ котораго музыкантъ тоже, должно быть подслушалъ во снѣ,—исчезаютъ въ глубинѣ комнаты, какъ исчезаютъ призраки.

И вотъ Тильтиль и Митиль странствуютъ по свѣту съ пустой клѣткой для Синей птицы. Съ ними души предметовъ. И двѣ активныхъ души животныхъ: котъ и собака, вѣчные враги. Котъ ужъ извѣстенъ: мягко стелеть, да жестко спать. Краснорѣчивъ, наглый и ласковъ. Онъ всячески старается помѣшать дѣтямъ найти тайну жизни—Синюю птицу, потому что тогда все живое и вся мертвая природа окончательно попадутъ въ рабство къ человѣку. Онъ готовъ на всякія каверзы, этотъ ласковннй преступникъ, и предлагаетъ предметамъ погубить дѣтей.

Но на что же здѣсь этотъ добрый чещъ, какъ не для того, чтобы защитить человѣка?

— Человѣкъ—мое божество, и я готовъ умереть за него. Но прежде я перерву глотку его врагамъ.

Вотъ дѣти въ царствѣ воспоминаній. Они на кладбищѣ. И какимъ-то чудомъ мрачная картина кладбища превращается въ свѣтлое видѣніе. На глазахъ зрителей совершается волшебство. Таютъ, исчезаютъ деревья, одни предметы превращаются въ другіе.

Домикъ, въ которомъ жили бабушка и дѣдушка. Вотъ и они. Спятъ, обнявшись. Но какъ только почувствовали, что дѣти приближаются къ нимъ, проснулись, идутъ навстрѣчу, ласкаютъ дѣтей. «Посѣщайте вашихъ мертвыхъ въ вашихъ воспоминаніяхъ. Это даетъ имъ жизнь»,—говоритъ здѣсь Метерлинкъ. Вотъ и умершіе братья и сестры съ ними. Смѣются А у одной даже прыщикъ на носу сохранился. Чуть вспомнили про нихъ дѣти—они сейчасъ-же явились. И пришельцы изъ міра живыхъ преспокойно садятся ѣсть пирогъ со сливами у своихъ мертвецовъ. Но время идти. Фея назначила срокъ—и нельзя опоздать. Ахъ, да вѣдь мы за Синей птицей! Нѣтъ—ли у васъ Синей птицы? Но, Господи,—что это такое? Вашъ ручной скворецъ совсѣмъ синій, давайте намъ его сюда.

И ушли... И замерли мертвецы въ тѣхъ позахъ, какъ ихъ оставили.

Но при дневномъ свѣтѣ скворецъ сталъ прежнимъ, обыкновеннымъ чернымъ скворцомъ...

Здѣсь онъ прямо переноситъ васъ въ область теософіи. Одно изъ первыхъ ея положеній, еще по традиціямъ Азіатскихъ Розенкрейцеровъ (Извѣстномъ и Гёте и отразившемся во 2-й части Фауста, которая вообще заключаетъ въ себѣ масонскую мудрость) говоритъ, что индивидуумы, находящіеся въ физической сферѣ (plane), посылая психическую энергію своей мысли развоплощеннымъ разумами, пребывающимъ на планѣ астральномъ или на планѣ Манас, тѣмъ самымъ поддерживаютъ ихъ жизненность. Къ сожалѣнію, благодаря плохому переводу это мѣсто въ пьесѣ кажется сбивчивымъ и туманнымъ.

Вотъ дѣти во дворцѣ Царицы Ночи. Здѣсь живетъ тьма, скрывающая истину жизни отъ глазъ людей, здѣсь живутъ близнецы Сонъ и Смерть.

Одну за другой смѣло отворяетъ Тильтиль, сопровождаемый псомъ, тяжелыя двери, за которыми скрываются ужасы, призраки, повальные болѣзни. Но вотъ дѣтямъ открылось вдругъ само небо, за одной изъ дверей, открытыхъ Тильтиль—и множество синихъ птицъ порхаетъ по вѣткамъ райскаго сада. Вмигъ наполнена клѣтка, и вся компанія съ торжествомъ удаляется...

Но вышли на солнечный свѣтъ—и умерли въ ихъ рукахъ всѣ синія птицы, умерли всѣ маленькія истины, которыя казались такими добрыми и ручными въ царствѣ ночи. А главной истины, великой Синей птицы они не нашли!..

Теперь пришло время спуститься въ міръ природы и тамъ спросить: нѣтъ-ли Синей птицы? Не знаютъ-ли ее вѣковыя деревья лѣсовъ и звѣри, живущіе въ ихъ дебряхъ.

Тихо тихо приближалъ котъ-предатель въ лѣсъ, крадучись на мягкихъ лапкахъ, и всѣмъ деревьямъ нашепталь, наговорилъ, всѣхъ подучилъ, всѣхъ настроилъ противъ дѣтей.

Вѣдь ихъ отецъ дровосѣкъ, подумайте, сколько зарѣзалъ онъ лучшихъ братьевъ и сестеръ.

И старый патриархъ лѣсовъ—дубъ и букъ и сосны и цѣпкій вѣющъ составили заговоръ и животныхъ позвали на совѣтъ и чуть не погибли дѣти отъ роговъ быка и отъ зубовъ волка. И цѣпкій плющъ связалъ зѣрнаго пса, чтобы не могъ онъ помочь своему хозяину.

Но Тильтиль—человѣкъ. И передъ нимъ отступили всѣ звѣри и злобныя шепчущія деревья, вся враждебная природа. И два раза веселый пѣтухъ долженъ былъ вскакивать на пень и хлопая крыльями кричать «а мальчикъ-то молодецъ!»—чтобы констатировать побѣду Тильтиля.

Однако, и тутъ не достали они Синей птицы. Она сидѣла на плечѣ у стараго дуба... но не въ силахъ былъ мальчикъ достать ее. И настала заря, пришелъ свѣтъ и лѣсъ принялъ прежній видъ.

И еще пришлось имъ подняться въ страну, гдѣ все голубое и все прозрачное, гдѣ живутъ души, которыя должны родиться, и зрѣютъ событія, еще готовящіяся совершиться. Увидѣли они старое Время съ косою, восклицающее:

— Души, чей пробилъ часъ, готовы-ль вы къ отплытію?

Въ лазурномъ храмѣ, гдѣ нѣтъ дня и ночи, и все голубое и прозрачное, нетерпѣливо ждуть души часа своего рожденія.

И здѣсь, еще на землѣ нѣтъ Синей птицы неподвижного счастья, но дѣйствуетъ великій и неуомлимый естественный законъ, по которому несчастья прошедшаго дѣлаются счастьемъ нашего будущаго и счастье однихъ становится несчастьемъ другихъ и все предопредѣлено: страданія и радости и наши дѣла, и поступки.

И по роковому пути стремятся души скорѣе проникнуть въ будущее, которое тотчасъ станетъ прошедшимъ. У каждого своя судьба: и какъ и на землѣ, двумъ влюбленнымъ предопредѣлено покинуть лазурное царство въ разное время и неизвѣстно встрѣтятся-ли они... Гдѣ же счастье? Вотъ душа, Тильтиль, которая станетъ твоимъ братомъ, когда родится въ міръ. «Ты будешь братомъ мнѣ»?

— Да. А потомъ я умру. Такъ назначено.

— Да, а вотъ мы не знаемъ на землѣ, когда мы умремъ... Ничего мы не знаемъ.

И уходятъ души, чей пробилъ часъ, по зову Времени въ отверстія двери жизни и тамъ встрѣчаютъ ихъ радостной пѣсней свѣтлой, какъ гимнъ учениковъ изъ «Фауста», хоръ матерей, идущихъ къ нимъ навстрѣчу.

Но вотъ и кончено странствованіе. Прошелъ годъ, назначенный Феей.

И всѣ предметы снова должны принять прежнія формы. Душа хлѣба, этотъ мягкій толстякъ, питавшій дѣтей во время путешествія такими вкусными краюшками, которыя онъ отрѣзывалъ отъ своего живота, прощаясь съ ними, просить не

забывать, что и впредь, въ какомъ-бы видѣ они его не встрѣтили, въ видѣ-ли каравая хлѣба, въ печи-ли, въ квашнѣ-ли, онъ попрежнему будетъ любить ихъ.

Послѣдній актъ. Пробужденіе близко. Близокъ дневной свѣтъ. Вотъ и утро Рождества. Прежняя хижина. Тильтиль и Митиль спятъ въ своихъ кроваткахъ. Мама приходитъ ихъ будить. Чѣмъ это они бредятъ? Что за Пирилюда? Да вѣдь это же я, мама... Вставайте, день на дворѣ!

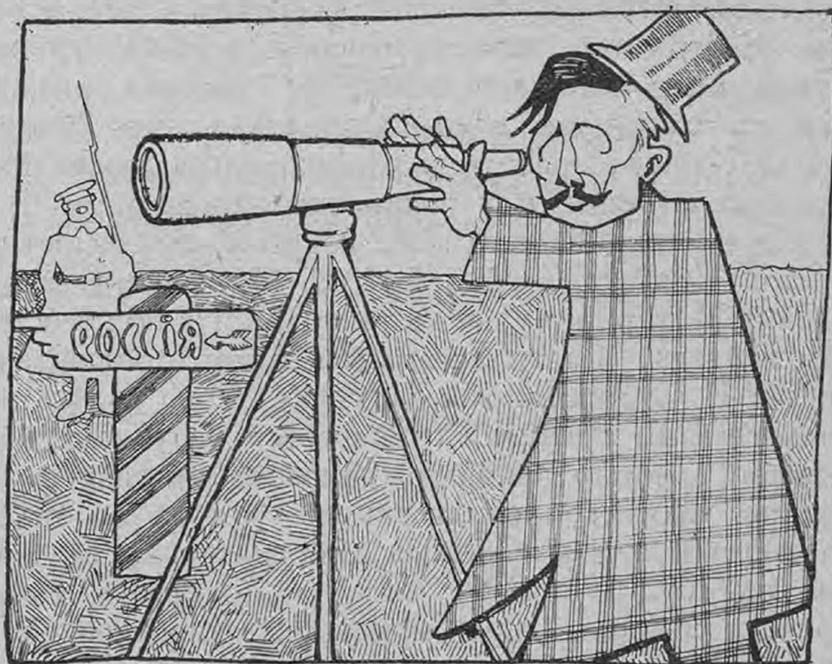
— Мама!—Такъ это ты! Тильтиль радостно обнимаетъ ее. Цѣлая куча новостей! мы видели бабушку и дѣдушку... У сестры на носу прыщикъ... А пирогъ со сливами такой вкусный... И у насъ будетъ еще братецъ.

Мать испугана. Она помнитъ, какъ Богъ взялъ у нея тѣхъ, другихъ дѣтей. Вѣдь они тоже «заговаривались». Недоброе тутъ чувствуется. Но отецъ не замѣчаетъ ничего. Просто болтаютъ зря дѣти.

Сосѣдка Берлэнго приходитъ навѣстить семью.

— Такъ вы, значитъ, фея Пирилюда?..

— Ахъ, у меня внучка совсѣмъ больна и говорить, что выздоровѣла-бы, еслибы вы дали ей птицу.

„Мысленно и душой съ вами“.

Изъ телеграммы Метерминка Художественному театру.

Дѣти бросаются къ клѣткѣ съ голубемъ.

— Да вѣдь онъ совсѣмъ синій! Ахъ, Митиль, какже мы раньше не замѣтили? А мы то цѣлый годъ искали Синюю птицу... Намъ казалось, что онъ недостаточно синій.

Да и все здѣсь стало какъ-то красивѣй. А гдѣ же душа хлѣба? Заглядываютъ въ квашню. Фью!.. Ахъ вотъ онъ на столѣ. «Здравствуй хлѣбъ». Кланяются хлѣбу. А вотъ и сахаръ, вотъ огонь. «Здравствуй огонь, добрый огонь».

— Ну, берите птицу, Берлэнго, снесите внучкѣ!

Вотъ и внучка на сценѣ, радуется, счастлива.

И вдругъ птица вырвалась изъ рукъ... Бросаются ловить... Поздно... Улетѣла въ дверь... Нѣтъ Синей птицы!..

Плачетъ больная дѣвочка. Смущенъ Тильтиль...

«Господа!.. Если вамъ случится найти ее, пожалуйста, отдайте ее намъ. Она намъ очень нужна, чтобъ мы были счастливы»—умоляюще обращается онъ къ зрителямъ.

Нѣкоторые критики недовольны: Синяя птица такъ и не найдена, ея нѣтъ даже въ лазурномъ царствѣ! Имъ хотѣлось бы немного счастья хоть въ будущемъ, «немного утопіи» («Р. Вѣд.»); другіе видятъ въ пьесѣ лишь дѣтскую сказку. Между тѣмъ

Метерлинкъ только вѣренъ себѣ: и въ «лазурномъ царствѣ» какъ и во всей пьесѣ, какъ и въ «Сокровищѣ Смиренныхъ» («Глубокая жизнь») онъ говоритъ намъ еще разъ, что для того, чтобъ ощутишь «счастье истиннаго познанія», не нужно измѣнять жизнь, а лишь увидѣть ее. Можно не соглашаться съ этимъ, но то ужъ другое дѣло!

И ужъ, конечно это сказка скорѣе для взрослыхъ, чѣмъ для дѣтей; именно насъ, взрослыхъ, призываетъ онъ сбросить всю толщу ложной мудрости, стать ближе къ природѣ, услышать голосъ Бога. Къ сожалѣнію, слишкомъ реалистическая постановка картины лѣса, въ самомъ дѣлѣ, превращаетъ ее въ дѣтское зрѣлище...

Чтобы могла увидеть свѣтъ ramпы такая пьеса, нужно было тоже своего рода предопредѣленіе: нужно было, чтобы родился человѣкъ, всѣ помыслы котораго направлены къ одному—къ тому, чтобы дѣлать явными для насъ тайны душъ и тайны жизни простыми средствами театральныхъ подмостковъ—я говорю о К. С. Станиславскомъ; нужно было, чтобы десять лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ нашлась горсть людей, задавшихся мыслью создать театръ, въ которомъ люди могли-бы не только развлекаться, но *познавать*. И если Франція, вторая родина Метерлинка, можетъ гордиться тѣмъ, что подарила міру великаго поэта, то Москва должна быть въ такой-же мѣрѣ горда тѣмъ, что только здѣсь, у насъ, красоты и удивительныя мысли Метерлинка открываются пониманію каждаго.

Поразительное ощущеніе сопровождаетъ васъ въ театрѣ. Для того, чтобы сдѣлать эту сказку законченной, Метерлинку не хватало одного: волшебства, чародѣйства, власти превращать одни предметы въ другіе. И Станиславскій далъ ему свое. Здѣсь передъ глазами зрителей совершается настоящее колдовство. Словно какой-то философскій камень на вашихъ глазахъ превращаетъ въ горячее золото, въ сапфиры и алмазы бѣдную дѣйствительность жизни. Вы спускаетесь въ міръ, о которомъ только грезятъ спириты—въ міръ четырехъ измѣреній, стѣны, колонны храмовъ становятся прозрачными, и вы видите двигающихся за ними людей, вы дѣйствительно слышите, какъ смыкается кольцо вѣчно бѣгущаго времени и улавливаете шорохъ событий. Лѣсъ говоритъ съ вами внятнѣе шопотомъ и открываетъ вамъ тайны.

Геніемъ отмѣченъ этотъ театръ и великой любовью къ труду, открывающему истину. Невозможное становится возможнымъ. Театръ, давшій намъ Синюю птицу, сможетъ поставить и вторую часть Фауста, которая тоже ждетъ, чтобы люди поняли скрытую въ ней мудрость.

Я не буду здѣсь касаться исполненія и нѣкорыхъ можетъ быть значительныхъ его дефектовъ; это дѣло присяжнаго рецензента.

Критика легка, искусство трудно!

И все это къ тому-же блѣднѣетъ передъ громадностью общаго впечатлѣнія. Были минуты,—какъ напр. въ картинѣ «Лазурнаго царства», когда прямо чувствовалось вѣяніе Метерлинка, душу охватывало тоже странное чувство, какое бываетъ, когда читаешь наединѣ дивныя его страницы, оставляя воображеніе работать...

Одного я не могу не отмѣтить здѣсь съ удивленіемъ: зачѣмъ г. Бинштокъ? Зачѣмъ этотъ дубовый переводъ съ безчисленными «имѣю» и «не имѣю», съ «морowymi язвами» вмѣсто «повальныхъ болязней!»

Т. Ардовъ.

Станиславскій и Метерлинкъ.

«Съ дозволенія правительства медицинской конторы засѣданія господъ врачей въ семъ залѣ отворяютъ кровь заграничнымъ инструментомъ пьывочную, баночную и жильную, прическа невѣсть, бандо, стрижка волосъ, завивка и бритье и прочія принадлежности мужского туалета по желанію на домъ по соглашенію экзаменованный фельдшерный мастеръ Ефимъ Филипповъ и дергаетъ зубы».

Я люблю Художественный театръ. Цѣню трудъ, энергію, умъ его. Но послѣ «Синей птицы» я невольно вспомнилъ только что процитированную горбуновскую вывѣску. За два года работы, за 150 репетицій чего-чего только не выдумали! Буквально—«и черти, и цвѣты». Актеры подобраны по росту. Сцена превращена въ кунсткамеру. Деревья качали верхушками. Быкъ мычалъ. Баранъ блялялъ. Песъ лаялъ. Котъ красиво выгибалъ спину. Вода бултыхала. Звѣзды горѣли. Призраки летали. Словомъ,—«прическа невѣсть, бандо, стрижка волосъ, завивка и бритье и прочія принадлежности мужского туалета».

Чуть даже было не пріѣхалъ самъ Метерлинкъ. Но я радъ, что онъ не пріѣхалъ, радъ и за него, радъ и за Художественный театръ. Вышло бы кровавое недоразумѣніе. Конфузь. Ибо врядъ-ли на сценѣ театра было то, что написалъ Метерлинкъ.

Пожалуйте сюда Ляпкина-Тяпкина! А! Ляпкина-Тяпкина-то и нѣтъ. Несомнѣнно, сама «Синяя птица»—lapsus въ творествѣ Метерлинка. Она и вообще не характерна для автора «Interieur» и «Смерти Тантажиля», да и сама по себѣ врядъ-ли можетъ вплестъ лишній лавръ въ вѣнокъ поэта. Станиславскій, если хотите, даже сдѣлалъ чудо. Онъ иллюминировалъ сказку Метерлинка. Разцвѣтилъ ее волшебными огнями. Убралъ гирляндами райскихъ цвѣтовъ. И призвалъ обывателя. «Прическа невѣсть, бандо и прочія принадлежности мужского туалета»... Обыватель растерялся. И послѣ фейерверка перваго акта устроилъ грандіозную овацію Станиславскому.

И какъ за зрѣлище, какъ таковое, овація была заслужена. Оставалось поражаться той массѣ труда и энергій, которая была затрачена на каждый вершокъ сцены по всѣмъ измѣреніямъ. И въ длину. И въ ширину. И въ глубину. Какая-то кубическая энергія. Глазъ не улавливалъ моментовъ перехода. А межъ тѣмъ картины мѣнялись тутъ-же на виду. При открытомъ занавѣсѣ. Бездна фантазій и чисто зрительнаго вкуса. Радуга цвѣтовъ, оттѣнковъ и переливовъ.

Но за всѣмъ этимъ—чрезвычайно характерно для Художественнаго театра—потонулъ Метерлинкъ. Художественный театръ по существу своему театръ натуралистическій. Театръ быта и связанныхъ съ нимъ настроеній. Настроеній отъ внѣшняго, отъ окружающаго. Вспомните Чехова. Хотя-бы «Дядю Ваню». Чѣмъ здѣсь создавалось то настроеніе, которымъ прочно основался на фундаментѣ славы Художественный театръ? Чѣмъ? Рядомъ удивительныхъ комбинацій, но комбинацій чисто бытовыхъ.

Послѣдній актъ: тренкаетъ на гитарѣ Телѣгинъ... длинная пауза... звонъ бубенчиковъ отъѣзжающаго экипажа... стукъ косточекъ на счетахъ... Уѣхалъ профессоръ съ женой и жизнь потечетъ опять сѣро, скучно, вяло... И быть можетъ самымъ яркимъ воспоминаніемъ будетъ тотъ выстрѣлъ, который такъ внезапно нарушилъ покой дяди Вани и Сони.

Здѣсь Художественный театръ, дѣйствительно, давалъ настроеніе. Давалъ элегію. Но чтобъ подтвердить еще болѣе мою мысль, что эти чеховскія настроенія Художественнаго театра—настроенія натуралистическія, укажу на финалъ «Трехъ сестеръ». Издали донесенія звуки военнаго марша. Изъ города уходитъ полкъ. Уходитъ то единственное, что наполняло жизнь сестеръ. Скрашивало сѣрыя будни тяжелатаго прозябанія. Ольга, обнимая Машу и Ирину, говоритъ золотыя слова: «Музыка играетъ, такъ весело, бодро, и хочется жить! О, Боже мой, пройдетъ время, и мы уйдемъ на-вѣки, насъ забудутъ, забудутъ наши лица, голоса и сколько насъ было, но страданія наши перейдутъ въ радость для тѣхъ, кто будетъ жить послѣ насъ, счастье и миръ настанутъ на землѣ и помянутъ добрымъ словомъ и благословятъ тѣхъ, кто живетъ теперь».

Когда «Три сестры» шли первый разъ въ Кіевѣ у покойнаго Соловцова, этотъ моментъ вызывалъ такое напряженіе, что чувствовалось буквально, какъ замираетъ зрительный залъ. Но Станиславскому это кажется мало и онъ рѣшаетъ такъ: разъ играетъ музыка, проходитъ оркестръ, естественно къ воротамъ должна сбѣжаться прислуга, горничныя, лакеи, кучера. И вотъ Ольга говоритъ финальныя слова, а за ея спиной бѣгутъ мужики, кухарки и пр. Въ публикѣ хохотъ. Настроеніе сорвано. Сорвано только потому, что Станиславскій хотѣлъ сдѣлать—«какъ въ жизни». Что-же это, если не натурализмъ, самый чистокровный золаизмъ?..

Настроеніе Метерлинка—настроенія совершенно иного порядка. Настроенія мистическія по существу и обстановкѣ. Настроенія одного измѣренія: въ глубину. И чѣмъ совершеннѣе будутъ уничтожены два другихъ измѣренія, чѣмъ примитивнѣе въ соотвѣтствіи съ нимъ будетъ стилизованъ тотъ минимумъ бытовыхъ чертъ, которыя необходимы для нашего нервно-зрительнаго воспріятія, тѣмъ ярче будетъ выявлена оголенная суть настроенія, сама душа его,—тѣмъ совершеннѣе будетъ представленъ Метерлинкъ. Художественный театръ уже разъ пробовалъ ставить Метерлинка. И неудачно. Теперь «Синей птицей» сдѣлалъ вторую попытку. И опять неудачно.

И я не виню его. Можно-ли заставить чижа пѣть соловьемъ или—наоборотъ. Нѣтъ, потому что чижъ всегда останется чижомъ, а соловей—соловьемъ. Можно-ли театръ натуралистическій въ корнѣ своей психологіи заставить превратиться въ символиста метерлинковскаго толка? Нѣтъ,—нельзя. Режиссерскій геній Станиславскаго можетъ многое сдѣлать, именно сдѣлать, но есть предѣлъ и для него.

«Синяя птица», повторяю, сама по себѣ не слишкомъ типична для Метерлинка: его lapsus. Но все-таки какъ Станиславскій всегда останется Станиславскимъ, такъ Метерлинкъ всегда останется Метерлинкомъ. Каждому свое. И это свое Метерлинкъ до извѣстной степени далъ и въ «Синей птицѣ». Оно—въ наивной простотѣ сказки, въ ирреальности ея. Въ ея воздушности. «Синяя птица»—это счастье. Оно съ нами, а мы его ищемъ. И поэтому на дѣлѣ мы счастливы только въ грезахъ, въ мечтахъ, въ сновидѣніяхъ. По формѣ «Синяя птица» и есть сонъ. Сонъ двухъ дѣтокъ.

Мальчика и дѣвочки. Уже самая форма пьесы, такимъ образомъ, говоритъ объ элементѣ мистическаго. О какой-то дымкѣ. Тайнѣ.

Секрета этой мистической тайны Художественный театръ не знаетъ. Онъ беретъ ее по своему. Внѣшне, натуралистически. И создаетъ въ смыслѣ, если хотите, чисто бытового воплощенія сна больше, чѣмъ можно, чѣмъ можетъ требовать самая необузданная фантазія. Фееричность онъ доводитъ до невѣроятнаго. Но все это—картина сна, а не самый сонъ съ его причудливымъ міромъ невидимыхъ тѣней и неслышныхъ звуковъ. Это—Станиславскій, а не Метерлинкъ.

Эм. Бескинъ.

Анкета.

(О кіевскомъ инцидентѣ).

Зимихъ.

Почетъ мы любимъ, восхваленъ,—
Насъ не ровняйте съ кѣмъ другимъ!
Бранитесь?... Снимемъ объявленіе!...
Но гнать, конечно, не можемъ!

Коршъ.

Хоть рецензентъ порой—злодѣй,
Я друга пишущихъ людей—
Изображаю.

Хоть и бранить меня печать,
Всегда писательскую рать—
Я ублажаю.

Дѣла поправились слегка:
Идетъ „Дуракъ“! Ахъ, „Дурака“
Я обожаю!

Конецъ сомнѣнья и тоскы!
Репертуаръ на „Дуракъ“
Сооружаю.

Чуждъ драматическихъ оковъ,
Веселымъ смѣхомъ дураковъ
Я заражаю.

Опять толпа въ моихъ рукахъ:
На „Дуракъ“ и дуракахъ
Я выѣзжаю.

Споръ съ рецензентомъ—глупый споръ!
Какъ повліяетъ споръ на сборъ—
Воображаю!...

Отъ рецензентовъ мнѣ—бѣда,
Но я дубанамъ никогда—
Не подражаю!

Блюменталь-Тамарихъ.

Споръ съ печатью бесполезенъ—
Это ясно и безспорно.
Съ прессой я всегда любезенъ
(Иногда притворно).

Я чувствителенъ къ обидѣ,
Но упрека вамъ не кину!..
Чтобъ смягчить васъ,—въ голомъ видѣ,
Показалъ вамъ... фрину!

Colo.

Москва.

Метерлинкъ прислалъ Станиславскому письмо, въ которомъ сообщаетъ о новой отсрочкѣ своего приѣзда. Въ письмѣ Метерлинкъ завѣряетъ, что въ Москву, во всякомъ случаѣ, онъ приѣдетъ.

— Комиссаржевская ведетъ переговоры съ владѣльцемъ театра «Эрмитажъ» объ уступкѣ театра для ся гастролей въ въ теченіе сентября будущаго года.

— На экстренномъ засѣданіи центрального правленія «всероссійскаго союза сценическихъ дѣятелей» былъ сдѣланъ рядъ постановленій по поводу извѣстія о трагической кончинѣ члена наблюдательнаго комитета союза, І. А. Тихомировъ. Онъ кончилъ жизнь самоубійствомъ въ Одессѣ, куда былъ приглашенъ режиссеромъ. Рѣшено: внести въ собраніе уполномоченныхъ предложеніе объ учрежденіи при московскомъ городскомъ народномъ университетѣ стипендіи имени І. А. Тихомирова, повѣсить портретъ покойнаго въ помѣщеніи союза и взамѣнъ вѣнка образовать фондъ на какое-либо благотворительное дѣло — по усмотрѣнію сестры покойнаго, живущей въ Москвѣ.

— Организаторъ русскихъ оперныхъ спектаклей въ парижской Большой оперѣ Дягилевъ приглашаетъ для «Псковитянки» тенора Нового театра Дамаева, такъ удачно начавшаго свою карьеру мѣсяцъ назадъ.

— Ф. И. Шаляпинъ, по заключенному контракту съ дирекціей Императорскихъ театровъ, не имѣетъ права участвовать ни въ какихъ бенефисныхъ спектакляхъ, устраиваемыхъ по возвышеннымъ, противъ обыкновенныхъ цѣнамъ.

Такимъ образомъ, его участіе въ бенефисахъ хора и оркестра, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, врядъ-ли можетъ состояться. Отказался Ф. И. Шаляпинъ и отъ собственныхъ бенефисовъ.

* * *

† І Тихомировъ.

І. А. Тихомировъ. Въ Одессѣ покончилъ жизнь самоубійствомъ І. А. Тихомировъ, только недавно приглашенный г. Багровымъ въ качествѣ режиссера. І. А. Тихомировъ почти все время своей сценической дѣятельности провелъ въ Москвѣ.

Покойный—ученикъ Вл. И. Немировича-Данченко, подъ руководствомъ котораго имъ былъ оконченъ курсъ московскаго Филармоническаго училища по драматическому отдѣленію.

При основаніи въ Москвѣ Художественнаго театра г. Тихомировъ былъ зачисленъ въ составъ труппы этого театра.

Первоначально покойному поручались небольшія эпизодическія роли. Тщательная отдѣлка поручаемой ему работы быстро выдвинула І. А. на первый планъ, и онъ причисленъ былъ къ режиссерскому правленію театра. Совмѣстно съ однимъ изъ главныхъ руководителей театра онъ завѣдывалъ постановкой одной изъ чеховскихъ пьесъ.

Вскорѣ г. Тихомировъ рѣшилъ покинуть Художественный театръ, согласившись занять должность режиссера нижегородскаго народнаго дома, которымъ руководилъ въ это время Максимъ Горькій. Послѣ печальнаго конца этого предпріятія г. Тихомировъ снова вернулся въ Москву, гдѣ руководилъ спектаклями только-что возникшаго Общества народныхъ развлеченій, а затѣмъ поступилъ на службу въ московской городской Введенскій народный домъ, гдѣ занималъ должность режиссера до прошлаго года.

Покойный состоялъ членомъ центрального правленія «Всероссійскаго союза сценическихъ дѣятелей», а въ послѣднее время—членомъ его наблюдательнаго комитета.

* * *

ОПЕРА ЗИМИНА. Въ субботу, 27 сентября, у С. И. Зимины впервые была поставлена комическая опера П. И. Бларамберга «Скоморохъ» на сюжетъ комедіи А. Н. Островскаго «Комикъ XVII столѣтія». Впечатлѣніе получилось блѣдно-серое: хоть прямой скуки и не было, все-же успѣхъ, какой былъ, видимо больше вытекалъ изъ почтительности къ симпатичной памяти покойнаго композитора и до представленія высказанныхъ мнѣній критиками, чѣмъ изъ непосредственно полученнаго удовольствія. Было то, что по французски называется *succès d'estime*, и настоящіе дружные аплодисменты раздали только вслѣдъ за послѣднимъ занавѣсомъ, такъ сказать, когда выяснилось, что все кончилось.

Знаете, все равно, какъ иной разъ начинаешь сѣтитися и горячо удерживать при прощаніи хорошихъ, симпатичныхъ почтенныхъ и образованныхъ, но—мало занимательныхъ гостей.

Несомнѣнно однако, что «Скоморохъ» и какъ сочиненіе, и какъ одна изъ первыхъ русскихъ комическихъ оперъ вполне заслуживаетъ вниманія и постановки, запоздавшей, къ слову сказать, чуть не на четверть вѣка, такъ какъ написанъ «Скоморохъ» еще при жизни Островскаго, совѣтами котораго композиторъ даже пользовался при выкраиваніи либретто.

Несомнѣнно также, что когда разсматриваешь эту оперу дома въ кабинетѣ, по клавиру, она представляется гораздо болѣе пріятной и даже веселой, чѣмъ при сценическомъ ея воспроизведеніи и—это, несмотря на весьма и весьма въ общемъ хорошее исполненіе ея въ Новомъ театрѣ. Дѣло въ томъ, что въ «Скоморохѣ» больше чувствуется «кабинетный музыкантъ» (какъ бываютъ кабинетные ученые), чѣмъ для сцены пишущій оперный композиторъ. Зачѣмъ, напримѣръ такое злоупотребленіе полифонической сложностью изложе- ній? И это въ комической оперѣ съ ея психологически весьма несложными персонажами и ситуациями.

Здѣсь, очевидно, нѣкоторое увлеченіе музыкальной ученостью, техникой,—увлеченіе закрывающее глаза на внутреннее переживаніе, на жизнь и условія жизненности произведенія. При большей простотѣ письма опера, несомнѣнно, выиграла-бы въ ясности, опредѣленности и легкости воспріятія, что существенно важно и именно для легкихъ незамысловатыхъ настроеній этого жанра искусства.

Много и можетъ быть, больше всего вредитъ яркости впечатлѣній и до странности плохая инструментовка «Скомороха»: постоянныя удвоенія въ оркестрѣ (дублированы даже скороговорки вокальныхъ партій, отчего совершенно теряется ихъ комическій характеръ) и неудачное употребленіе мѣди дѣлаетъ оркестровую звучность громоздкой, плоской, лишенной рельефа. Кромѣ того чувствуется все время какая-то отчужденность красокъ оркестровой палитры, деревянные духовые мало связаны со струнными, и особенно бросается въ глаза почти полное отсутствіе педализаціи, выдержанныхъ нотъ, того «соку», безъ котораго оркестровая звучность является сухой «какъ роля безъ правой педали», по выраженію извѣстнаго нашего московскаго знатока оркестра. Оркестровку, по моему, совершенно необходимо пересмотрѣть.

А въ музыкѣ «Скомороха» есть мѣста и интересныя, и хорошія: напр. дуэтъ Натальи и Якова въ I актѣ, (особенно мѣсто на пять четвертей, съ хорошо схваченнымъ русскимъ

колоритомъ), презабавный хоръ учениковъ въ началѣ второго, жалоба Якова, представленіе интермедіи съ разгорающимися страстями зрителей, вся партія Грегори, чтеніе Домостроя въ третьемъ, речитативъ Кочетова «Хоть въ домѣ я глава, а все таки», каватина Натальи и проч., и проч.

Объ исполненіи мы уже сказали. Остается добавить только что произношеніе на этотъ разъ было далеко отъ образцовой ясности.

Изъ исполнителей особенно хороши были Вѣковъ (Клущинъ) и Эрнстъ (Грегори), а также г-жи Добровольская, (очаровательно удались ей слова «хмѣльна была»), Ростовцева, Норская и г. Оленинъ. Для послѣдняго партія низка. Плохъ и въ сценическомъ, и въ вокальномъ отношеніи г. Коржевицъ, изображавшій не Якова, а все того-же «м-ле Фифи» (опера Кюи) того-же названія и своей жеманностью въ послѣднемъ актѣ возбуждавшій не веселый смѣхъ публики, а что то близкое къ насмѣлкѣ.

Н. Бас.

*
* * *

БАЛЕТЪ. Отъ прежней старой «Жизели» въ постановкѣ г-на Горскаго остались почти только однѣ драматическія сцены; сюжета-же изъ драмы не хватаетъ. Г-жа Корали-Жизель въ классическихъ танцахъ, особенно въ мечтательныхъ, грустныхъ *adagio*, превосходна. Лучшее въ этой артисткѣ—ея простота. Если техника ея танцевъ не блестяща, то музыкальность, которой, какъ свѣтомъ, проникнуты они, заставляютъ забывать объ этомъ. Ея танцы—пѣсни. Въ «Жизели» она лучше во II актѣ. Бытовой-же I актъ она утрируетъ.

Г. Мордкинъ—одинаково прекрасный и мимистъ, и танцоръ. И такъ дашь, что у него почти однѣ только мимическія сцены въ роли шаблоннаго графа!

Г-жа Балдина (царица Вились) совершенствуется. Какъ интересны и легки ея танцы! Она ими даетъ чудное существо изъ воздуха—видѣніе. Въ технику ея видна работа надъ собой и работа съ большимъ вкусомъ. Публика ее начинаетъ цѣнить. Г-жа Биташева, со стороны внѣшности, не оставляетъ желать лучшаго, но по исполненію—безцвѣтна. Хороши г. Ципановъ и г-жа Платоминова. Въ дивертисментѣ, особенно въ мазуркѣ Шопена, у г-жи Корали и г. Воичина и въ пляскѣ Анитры, у г-жи Федоровой 2-й, много новаго и хорошаго. Это—цѣлая новизна, и г. Горскій далъ въ нихъ смутный намекъ на новыя формы, которыя онъ ищетъ.

М. М.

Письма въ редакцію.

М. г., г. редакторъ!

Не откажите дать мѣсто слѣдующимъ строкамъ.

Имѣю честь заявить, что не нахожу для себя возможнымъ продолжать свою службу въ дирекціи И. Э. Дуванъ-Торцова—въ театрѣ, откуда изгоняютъ критика, мнѣ мѣста нѣтъ. Предпочитаю нужду и голодъ стыду и сраму.

Актеръ *Александръ Николаевичъ Андреевъ-Астраханцевъ.*

Мы, нижеподписавшіеся, заявляемъ гг. артистамъ, подписавшимъ послѣднее письмо съ предложеніемъ извиненія, что рѣшеніе по этому поводу нашихъ товарищъ П. М. Ярцевъ предоставилъ намъ.

Мы же, видя удовлетвореніе въ самой готовности гг. артистовъ извиниться перель г. Ярцевымъ за публично нанесенное ему, а въ его лицѣ всей прессѣ, оскорбленіе, считаемъ инцидентъ исчерпаннымъ. Если гг. артисты все же пожелаютъ принести г. Ярцеву свои извиненія, то всѣ дальнѣйшія дѣйствія мы предоставляемъ полному усмотрѣнію и такту гг. артистовъ.

И. Джонсонъ, Н. Дрилликъ, Н. Николаевъ, Л. Пахаревскій (Littera), С. Померанцевъ, М. Рабиновичъ, М. Эшишкинъ.

14-го сентября с. г. исполняется десятилѣтіе дѣятельности московскаго Художественнаго театра.

По инициативѣ дирекціи московскаго Литературно-Художественнаго кружка образованъ особый комитетъ, взявшій на себя организацию чествованія театра въ этотъ день.

Извѣщая объ этомъ, комитетъ проситъ отдѣльныхъ лицъ и учрежденія, пожелавшихъ принять въ той или иной формѣ

участіе въ чествованіи, сообщить объ этомъ комитету по адресу: Москва, Литературно-Художественный кружокъ. Комитетъ по организацию чествованія Художественнаго театра. По этому же адресу комитетъ проситъ присылать привѣтствія.

Комитетъ: М. Н. Ермолова, Г. Н. Фодотова, А. А. Бахрушинъ, М. Л. Ипполитовъ-Ивановъ, Н. Д. Красовъ, А. П. Ленскій, Н. А. Поповъ, П. Н. Сакулинъ, Н. Н. Синельниковъ, Л. В. Собиновъ, В. А. Сѣровъ, А. Ю. Южинъ, Н. Е. Эфросъ.

Пуришкевичъ пишетъ пьесу.

Петербургъ.

Въ Александринскомъ театрѣ на очереди теперь постановка пьесы В. Тихонова «Сполохи» («Жизнь достанетъ»).

Она пойдетъ около 15 октября. Главныя роли распределены между г-жей Савиной, гг. Давыдовымъ, Далматовымъ, С. Яковлевымъ и друг.

Ставить пьесу А. П. Петровскій.

Затѣмъ, около 25 октября, ожидается постановка «Мнимого больного» Мольера, и «Теи» Зудермана, которые пойдутъ въ одномъ спектаклѣ.

Мольеровскую пьесу ставитъ А. П. Петровскій, а «Тею»—А. И. Долиновъ.

— Въ понедѣльникъ въ театральномъ обществѣ состоялось засѣданіе совѣта, на которомъ, между прочимъ, надлежало обсудить извѣстную исторію съ рецензентомъ «Кіевской Мысли», г. Ярцевымъ.

Судьбѣ этому, однако, не суждено было состояться, такъ какъ прибывшее число членовъ найдено было недостаточнымъ для рѣшенія такого серьезнаго вопроса.

Вопросъ отложенъ до слѣдующаго засѣданія.

— Театръ Строева открылся 1 октября «Королемъ»; пьеса шла 3 дня подрядъ.

— Новая пьеса К. С. Баранцевича «Сказки жизни», одобренная театральнымъ комитетомъ для Императорскихъ театровъ, передана авторомъ Новому театру, гдѣ пойдетъ въ день 35-лѣтія литературной дѣятельности К. С.

— Въ Маломъ театрѣ съ успѣхомъ прошла новая пьеса В. Протопопова «Гетера Лаиса».

— Передъ спектаклемъ балета «Раймонда», 20 сентября, г-жа Павлова, не пожелавъ надѣть выданный ей костюмъ, позволила себѣ порвать лифъ отъ этого костюма. По приказанію директора, г-жѣ Павловой объявленъ выговоръ и предложено изготовить новый лифъ за собственный счетъ.

— На Александровской сценѣ приступили къ репетиціямъ одноактной драмы Зудермана—«Тея». Главныя роли исполнять Юрьевъ и Ведринская. Ставить пьесу режиссеръ Долиновъ.

— По инициативѣ режиссера Александринскаго театра Долинова, 28 сентября состоялось первое совѣщаніе вновь

основывающагося кружка преподавателей въ драматическихъ школахъ. Цѣли кружка—исключительно научнаго характера, какъ, на примѣръ: разработка вопросовъ о драматическомъ образованіи, методовъ преподаванія и т. п. Собраніе отнеслось къ этому вопросу горячо. Участвовать въ этомъ кружкѣ выразили желаніе: Долматовъ, Арбатовъ, Ст. Яковлевъ, Санинъ, Одаровскій, Ратовъ, Сладковѣвцевъ, Пушкарева, Юрьевъ, Глаголинъ, Дарскій и друг. На воскресеніе, 5 октября, назначено у г. Долинова второе засѣданіе, которое будетъ посвящено выборамъ предсѣдателя и выработкѣ устава.

Петербургскія письма.

I.

Я начинаю обѣщанныя вамъ корреспонденціи о петербургскомъ сезонѣ съ значительнымъ запозданіемъ, но, правс-же, не чувствую при этомъ особенныхъ угрызеній совѣсти, потому что писать-то почти что не о чемъ. Начало сезона послѣднихъ лѣтъ вообще, а нынѣшняго въ особенности очень похоже на утреннее пробужденіе неврастенника: всѣ члены ноютъ и какъ будто готовы отпасть отъ корпуса; сердце сжато тоскливымъ раскаяніемъ за всѣ нелѣпости вчерашняго дня и жуткимъ предчувствіемъ новыхъ нелѣпостей, которыхъ, навѣрно, не удастся избѣжать и сегодня. Въ отуманенной головѣ, какъ бы въ утѣшеніе, проплываютъ мысли, красивыя и неожиданныя, какъ весеннія облака, и мгновеніями кажется, что вотъ—вотъ человекъ схватитъ на-крѣпко самую истинную истину, но все это опять, какъ облако, расплывается безъ слѣда и возможности вспомнить...

Актеры стонутъ: «нѣтъ пьесъ», драматурги жалуются «нѣтъ исполнителей». Сабуровъ, до сихъ поръ еще гастролирующій въ Пассаждѣ, ухватившись за серьезную пьесу Батайля, старается обмануть почтенную клиентуру увѣреніемъ, что это пикантный фарсъ. На афишахъ изображаетъ заглавіе пьесы въ такихъ выраженіяхъ: «Обнаженная. (La nue—голая!)» Малый театръ, въ лицѣ новыхъ властителей-режиссеровъ, Арбатова и Глаголина, культивируетъ фарсы. За то серьезно и даже какъ будто съ ученымъ видомъ. И изъ этого выходитъ такая же странная каша, какъ у Сабурова. Особенно начудили съ «Такою женщиной» Евреинова, которую Глаголинъ поставилъ «въ стилѣ Бердслея», поручивъ труднѣйшую женскую роль, всю сотканную изъ неврастенческихъ противорѣчій, молоденькой и совершенно неопытной г-жѣ Валерской. Получился такой сумбуръ, что нѣтъ возможности передать.

А ргорос сообщимъ—поклонникъ Бердслея, какъ и въ прошлые годы, опять дерется. Теперь побилъ актера за то, что тотъ разговаривалъ съ г-жей Порчинской. Судья, принудилъ буяна къ мѣсячному аресту безъ замѣны штрафомъ. Но мнѣ сдается, что тутъ произошла судебная ошибка. Который ужъ годъ Глаголинъ дерется въ Маломъ театрѣ и никто ни разу еще не далъ ему сдачи: значитъ, онъ имѣетъ на это право,—за что же такое строгое наказаніе?

Сегодня въ томъ же Маломъ театрѣ смотримъ протопоповскую «Гетеру Лаису». Авторъ, какъ извѣстно, «серьезный», да къ тому-жъ и «знатокъ античнаго быта» Но... боюсь, все-таки, какъ бы и тутъ не вышло какого фарса...

Еще нелѣпѣе дѣло идетъ въ Александринкѣ. Здѣсь тоска неврастенческихъ исканій, кажется, достигла зенита. Императорская театральная академія, подобно престарѣлой кокеткѣ, безумно рада всякому жениху, переходящему къ ней изъ объятій молодой соперницы Коммисаржевской. Та поиграла «знаньевцами» Чириковымъ и Найденовымъ и, взявъ отъ нихъ лучшее, бросила ихъ какъ поношенную перчатку. Поиграла «факеломъ» Мейерхольда—и тоже бросила. И вотъ теперь всѣ три сироты, столь непохожія другъ на друга, прижались вмѣстѣ къ одной груди, одинаково ей дорогіе. Какимъ явить намъ себя Мейерхольдъ въ новыхъ объятіяхъ,—увидимъ скоро; теперь-же, пока что, мы слышимъ время отъ времени, черезъ посредство устъ интервьюеровъ, его покайнные вздохи о прошломъ. О Найденовѣ что-то пока ничего не слышно. За то Чириковъ уже весь на-лицо, и даже не въ одномъ театрѣ, а—въ двухъ.

Въ Александринкѣ идетъ его «Марья Ивановна», извѣстная москвичамъ еще по прошлому сезону у Корша. Милая талантливая акварель на провинціальныя нравы разыгрывается здѣсь очень педурно, но и въ этомъ чувствуется одинъ болѣзненный надрывъ. Главную роль взяла на себя М. Г. Савина и... не имѣетъ успѣха. Нѣтъ, вы представьте себѣ: Савина безъ успѣха!

Всѣ критики, въ одинъ голосъ, констатируютъ фактъ, что роль къ Марьѣ Гавриловнѣ ни съ какой стороны не подходитъ. Но зачѣмъ же тогда она бралась за такую роль? Вопросъ естественный: за то и отвѣтъ столь-же естественный: «нѣтъ ролей»! Поневолѣ даже примадонна беретъ за всякую...

Нѣтъ ролей, нѣтъ пьесъ... Но съ такимъ же правомъ ропсуютъ и драматурги: «нѣтъ подходящихъ актеровъ для тѣхъ ролей, которыя у насъ складываются». Но если нѣтъ ни того, ни другого, ни третьяго, то что же есть наконецъ?

Есть режиссеры. Вотъ этого добра, дѣйствительно, развелось такъ много, что всѣмъ не хватаетъ мѣстъ. И всѣ, какъ на подборъ, такіе хорошіе, что ихъ вызываютъ больше, чѣмъ актеровъ и авторовъ, и все подносятъ имъ вѣнки съ красными лентами.

Бываютъ, впрочемъ, при этомъ и нѣкоторыя недоразумѣнія, — особенно когда фамилія режиссера совпадаетъ издали съ возгласомъ: «автора». Такъ, на примѣръ, случилось вчера на открытіи Новаго театра, организованнаго драматургомъ Фальковскимъ.

Открыли сезонъ пьесой того-же Чирикова «Бѣлая ворона», ком. въ 5 д. Вызовы начались по первому же антракту. Какіе-то молодые, звонкіе голоса въ заднихъ рядахъ кричали упорно: «ар-то-ва!» Вышелъ режиссеръ Е. П. Карповъ. Улыбаясь, раскланивается, вслушивается... смущается, идетъ за кулисы и говоритъ автору: «Вѣдь, это васъ вызывали. Идите!» Выходитъ авторъ. Раскланивается, улыбается, вслушивается... смущается, идетъ за кулисы и говоритъ Карпову: «Нѣтъ, это васъ. Идите!» Да такъ и ходили каждый антрактъ и до конца не могли разобраться, кто изъ нихъ больше понравился. Не разобрался, признаться, въ этомъ и я, потому что мнѣ въ этомъ спектаклѣ ничто не понравилось.

Новое сочиненіе Чирикова, прежде всего, гомерически скучно, длинно, лишено какого бы ни было драматическаго движенія.

Сюжетъ пьесы таковъ. Григорій Промотовъ, сынъ помѣщика, дворянинъ, студентъ, пятнадцать лѣтъ назадъ былъ за политику схваченъ жандармами,

Горе отъ рецензента или новые порядки въ театрѣ „Соловцовъ“.

(Фарсъ въ 4-хъ дѣйствіяхъ).

1) Режиссеръ лично впускаетъ публику, готовый на самыя крайнія мѣры въ случаѣ попытки рецензента проникнуть въ театрѣ.

2) Чтобы окончательно быть увѣреннымъ въ отсутствіи рецензента, производится тщательный осмотръ всѣхъ уголковъ театра.

3) Но вдругъ... онъ здѣсь! Онъ сидитъ на галлерей!

4) И тогда публикѣ немедленно объявляется: въ виду присутствія рецензента спектакль состояться не можетъ.

судимъ и сосланъ въ Сибирь, а теперь опять возвращается въ отчий домъ, въ качествѣ «сиркутскаго мѣщанина», по прежнему любимой сестрою-дѣвушкой, отцомъ, няней и бывшей своей невестой, а нынѣ женою мѣстнаго богача, Зоей Виноградовой. Григорій вначалѣ радъ возвращенію, отдыху, но потомъ больше и больше убѣждается, что онъ тутъ—какъ бѣлая ворона среди черныхъ, и вновь уходитъ въ Сибирь, не смотря даже на возникшую вновь любовь между нимъ и Зоей. Сюжетъ хоть и простъ, но, въ общемъ, на немъ можно бы выткать довольно интересные узоры. Но,—увы!—если и вышло что, такъ только одна старая-престарая лирико-гражданская канитель, отъ которой такъ и несло тонкой пылью блаженной памяти семидесятихъ годовъ. Авторъ буквально остался вѣренъ главію пьесы: въ его живописи никакой свѣтотѣни, а только лишь бѣлое и черное. Конечно, страдалецъ-Григорій, похожій на Гаршина и Дмитрія Писарева, чистъ яко ангелъ, легонько кашляетъ, страшно талантливъ не только въ наукахъ, но даже и въ музыкѣ, и твердъ въ убѣжденіяхъ какъ ада-

мантъ. Конечно, младшій братъ его, Сергѣй, офицеръ, безконечно подль, пошль, глупъ, безпощаденъ, а его деньщикъ—выкрестъ, послѣ Григорія, самое умное и благородное существо во всемъ домѣ. Конечно, всѣ ходятъ въ церковь и, конечно настолько глупы, что даже удивляются, почему Григорій не ходитъ туда же... Штампъ на штампъ, одинъ старѣе и примитивнѣй другого!..

Боже мой! сколько волканическихъ катастрофъ пережило за послѣдніе годы сценическое искусство, сколько донкихотски-судорожныхъ усилій потрачено лучшими изъ насъ для того, чтобы хоть немного сдвинуть родную сцену съ глубокой колеи рутины, омерзѣвшей до тошноты... Сколько при этомъ погибло или надолго сбито съ толку прекрасныхъ большихъ талантовъ,—и для чего все это?!

Жутко, господа! Честное слово,—жутко! Перо опускается...

29 сентября.

Шмель.

Оперетта въ Петербургѣ.

(Отъ нашего корреспондента).

Театры веселаго жанра—оперетта—распахнули свои двери на этой недѣлѣ. Открытіе «Буффа», «Пассажа» и «Екатери-нинскаго театра» Н. Г. Сѣверскаго происходило одно за дру-гимъ.

Въ «Буффѣ» все тотъ же Тумпаковъ, въ составѣ труппы котораго произошли большія переменны.

Ушелъ главный режиссеръ г. Брянскій, зтотъ «Колумбъ въ опереттѣ», выбыли любимцы публики—артисты г. Монаховъ и г. Вавичъ. И нельзя сказать, чтобы это явленіе прошло бы для «Буффа» совершенно незамѣтнымъ.—Отсутствие на-званной «тройки» сильно чувствуется во всемъ: въ выборѣ оперетты для открытія, въ постановкѣ ея и въ самомъ исполненіи.

Сезонъ открыли опереттой-мозаикой «Въ волнахъ страстей».

Это «новое» «произведеніе» г. Валентинова совсѣмъ не новинка, а настоящее повтореніе его «Ночи любви», второе ся изданіе. Опять заимствованіе чужихъ мотивовъ, опять безцеремонное чередованіе «Демона», «Фауста», «Птичекъ нѣвичихъ» и «Гугенотовъ», вальса изъ «Ромео» и интермеццо изъ «Севильской чести»... Но «Въ волнахъ страстей» куда какъ слабѣе «Ночи любви». Слабѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Либретто менѣе удачное, репликъ остроумныхъ почти нѣтъ. А что касается комбинаціи мотивовъ, то она мѣстами не связная, мѣстами совсѣмъ неумѣстная.

«Новая» оперетта только еще разъ доказываетъ, что г. Валентиновъ—дилетантъ, обыкновенный музыкальный компиляторъ и—ничего болѣе.

Перейдемъ теперь къ постановкѣ и исполненію.

Постановка съ внѣшней стороны эффектная, хотя особенной изобрѣтательности въ ней новый режиссеръ г. Полонскій не обнаруживаетъ. Исполненіе? Что можно сказать о немъ?

Г-жа Шувалова по прежнему культивируетъ матчишъ и только нѣкоторую часть публики продолжаетъ плѣнять своимъ шикомъ и игривымъ кокетствомъ. Г-жа Гвоздецкая лѣтомъ училась пѣнію за границей и теперь пытается обнаружить свою колоратуру, требующую, однако, еще дальнѣйшей обработки. Г-жа Рахманова очень мила и изяшна, а фигура г-жи Варламовой, полная комизма, гармонируетъ съ тѣми глупыми положеніями, въ которыя по сценѣ ей часто приходится попа-пать.

Въ мужскомъ персоналѣ гг. Полонскій, Бураковскій и Михайловъ—все старые знакомые. Изъ нихъ г. Бураковскій—артистъ старой школы, на полезный членъ труппы. А г. Михайловъ—о!—онъ много о себѣ думаетъ, хотя голосъ его давно поблекъ и только по временамъ повинуется пѣвцу.

Новыми артистами являются г. Дальскій и г. Драгошъ.

Г. Дальскій умѣло распоряжается жалкими остатками своего когда-то симпатичнаго голоса. Держится на сценѣ превосходно. Играетъ умно, интересно. Драгошъ обладалъ красивою сценическою внѣшностью. И только изъ-за этого онъ, вѣроятно, измѣнилъ оперѣ и перекочевалъ въ оперетту. Другихъ положительныхъ качествъ пока не проявилъ: голосъ его не блестящъ, игры никакой...

Въ труппѣ «Буффа» недуренъ балетъ. Оркестръ и хоръ многочисленны.

Дирижеромъ состоитъ опытный г. Шпачекъ.

Въ «Пассажѣ» водворилась опереточная труппа С. Н. Новикова.

Главнымъ режиссеромъ приглашенъ г. Брянскій.

Г. Новиковъ—хорошо извѣстный импессарио на югѣ Рос-сіи, особенно въ Кіевѣ и Одессѣ, гдѣ пользовался большою популярностью. Судя по первымъ впечатлѣніямъ, его пред-пріятіе будетъ имѣть успѣхъ и въ Петербургѣ.

Для открытія спектаклей онъ поставилъ новую оперетту «Король», написанную въ этомъ году къ юбилею престарѣлаго австрійскаго императора Франца-Иосифа.

Музыка Ярно, переводъ М. Г. Ярона.

Выборъ оперетты очень характеренъ и для новаго опереточнаго театра и для режиссера, ее поставившаго.

«Смерть матчишу и да возродится чистая классическая оперетта!»—вотъ о чемъ говоритъ благородный сюжетъ, мелодичная музыка и оригинальная постановка «Короля».

Новинка эта, тщательно разученная трудами режиссера г. Брянскаго и дирижера г. Зельцера, имѣетъ всѣ права не оставаться популярной только въ предѣлахъ своего отечества, но и совершить путешествіе въ чужіе края.

Исполненіе получилось поистинѣ «концертное» и въ му-зыкальномъ отношеніи, и въ драматическомъ.

И это несмотря на то, что случилась такая неприятность: примадонна г-жа Эброжекъ-Пашковская, которой пред-назначалась главная женская роль, внезапно и серьезно захворала. Партию поручили въ 3—4 дня одолѣть г-жѣ Тамарѣ. Очень одобряю результаты ея работы: и говорила мило, искренно, и играла безъ вычуръ, просто, естественно и пѣла безъ обычной «вяльцевщины»—музыкально, красиво и голост своей выказала симпатичный.

Хороши были также г-жа Бауэръ и г-жа Лучезарская; послѣдняя, какъ пѣвица, сдѣлала большіе успѣхи и въ звукѣ, и въ самомъ пѣніи.

Весьма забавенъ, выдержанъ и талантливъ г. Монаховъ.

«Короля» пѣлъ г. Вавичъ. О богатствѣ его голосоваго ма-теріала говорить нѣ приходится. Но игралъ онъ на этотъ разъ слабовато.

Впервые передъ петербургской публикою выступили: г-жа Щетинина, опытная комическая старуха, г. Августовъ—хоро-шій музыкальный пѣвецъ, г. Тумашевъ и г. Эспе—оба коми-ки талантливые, артисты полезные, играющіе всегда старатель-но и обдуманно.

Особой похвалы заслуживаетъ дирижеръ г. Зельцеръ. Его хоръ и оркестръ дѣйствовали молодцами.

Но героемъ перваго спектакля былъ г. Брянскій. Видно, онъ не мало энергіи приложилъ, чтобы поставить дѣло на должной высотѣ.

И недаромъ публика шумно его вызывала послѣ каждого дѣйствія.

Тепло принимали и всѣхъ исполнителей. Многіе изъ нихъ удостоились цвѣточныхъ подношеній.

Театръ здѣсь, какъ и въ «Буффѣ», былъ полонъ.

Уныло и грустно почти при пустомъ залѣ прошло откры-тіе оперетты въ театрѣ Н. Г. Сѣверскаго.

И неудивительно! Шла послѣдняя новинка прошлаго се-зона «Судь Боговъ», но никогда не пользовавшаяся внима-ніемъ публики, хотя исполненіе довольно недурное.

Главные женскія роли исполняли: г-жа Марченко, пре-красная комическая старуха г-жа Легать, г-жа Забѣло и мо-лодая, дѣла свои первые робкіе шаги на опереточной сценѣ, г-жа Хмѣльницкая.

Мужской персоналъ оказался лучше женскаго. Тутъ и г. Сѣверскій, и Кошевскій, г. Рутковскій и г. Ниц.—Маминъ и др. Г.г. Сѣверскій, Кошевскій и Рутковскій были встрѣчены аплодисментами.

Хоръ и оркестръ умѣло велъ г. Тонни.

И. Мор.

Провинція.

Бану. Артистка Н. Ф. Бѣлоцерковская, приглашенная на зимній сезонъ въ драматическую труппу Кручинина, не ожи-данно заболѣла и была вынуждена выѣхать изъ Баку въ Пе-тербургъ.

— Драма г. Кручинина открыла сезонъ комедіей «Об-щество поощренія скуки».

Батумъ. 1 октября открылся зимній сезонъ Л. Б. Яворской. Составъ труппы. Женскій персоналъ: Л. Б. Яворская, А. И. Григорьева, И. А. Декоръ, С. Ф. Зелинская, А. С. Кавтарадзе, Н. А. Корсакъ, М. Ф. Мартова, А. Ф. Ратмирова, Е. А. Салько-Черская, Ю. Ф. Строгонова. Мужской персоналъ: А. Ф. Акса-горскій, Н. А. Бородинъ, Х. Г. Брониславскій, Н. М. Василь-ковъ, И. А. Ватинъ, С. П. Долининъ, С. И. Любимовъ, Н. И. Мухановъ, Л. А. Рейнштадтъ, М. И. Салларовъ, С. Я. Се-меновъ-Самарскій, М. И. Усановъ, В. И. Шатерниковъ, А. С. Ѳедоровъ. Гл. администраторъ С. П. Долининъ, гл. режиссеръ А. Ф. Аксагарскій, режиссеръ Н. И. Мухановъ, суфлеръ Г. И. Дарьялскій. Предположенный репертуаръ первыхъ поста-новокъ: «Докторъ Штокманъ» г. Ибсена, «Безпечальные» («Волна») Рышкова, «Пасынки жизни» Бенаръ, «Колхида» Бернара Шау, « $2 \times 2 = 5$ », «Обнаженная», «Каменотесы» г. Зудермача, «Еврей» Чирикова, «Жизнь человѣка» Ан-дреева «Кредиторы» Стринберга, «Давидъ», «Сестра Беатри-са», «Чудо странника Антонія» Метерлинка, «Плоды просвѣ-щенія» Л. Толстого, «Дѣти солнца» Горькаго, «Сѣверные богатыри» Ибсена, «Франческа да Римини» д'Аннунцио.

Верхне-Исетскъ. Труппа О. П. Зарайской открыла сезонъ «Весеннимъ потокомъ» Косоротова. Мѣстная газета отмѣчаетъ игру гг. Демюръ (С. Хмарина) и Короткевича (М. Хмаринъ). Кромѣ названныхъ артистовъ, въ составъ труппы входятъ: г-жи Лоранъ, Некрасова, Раева, Райская-Доре, Чарова и г.

Кашпиковъ, Акимовъ, Борисоглѣбскій, Доленко, Деминъ, Демюръ, Панива, Платовъ и др.

Вильна. Сезонъ драмы—дирекція З. Малиновскій — открылся 26 сентября «Лѣсомъ» Островскаго. Вторымъ спектаклемъ шель «Ревизоръ».

— 1 октября въ городскомъ залѣ открыли спектакли русской оперы подъ управленіемъ Л. Л. Федорова. Для открытія шла «Аида».

— Нѣкоторые виленскіе общественные дѣтели выработываютъ проектъ открытія въ Вильно постояннаго еврейскаго театра.

Владиваназъ. 28-го сентября открылся сезонъ драматической труппы П. П. Медвѣдева. Шли «Волки и овцы». Въ труппѣ г-жи: Огилка, Болотина, Охотина, Комарова, Туганова и гг. Флоровскій, Колосовскій, Тихоміровъ, Дробининъ и др.

Воронежъ. 26-го сентября открылся зимній сезонъ антрепризы И. В. Никулина. Для перваго спектакля шла «Новая Жизнь» Потапенко. Сборъ полный. «Вор. Сл.» отмѣчаетъ присутствіе на спектаклѣ члена Государственной Думы Пергамента и возлагаетъ самую свѣтлую надежду на «возвращеніе г. Никулина».

Екатеринбургъ. Послѣ продолжительной проволочки городской театръ сдастъ, наконецъ, М. К. Чаплинскому. Главныя условія договора: 1) Театръ сдается подъ опереточные или иные спектакли съ 1-го октября до окончанія пасхальной недѣли, 2) непремѣннымъ условіемъ является постановка не менѣе трехъ спектаклей въ недѣлю, за исключеніемъ великаго поста, когда спектакли необязательны, при несоблюденіи этого условія арендаторъ уплачиваетъ штрафъ по 50 рублей за каждый пропущенный день, 3) плата—5 проц. съ валоваго сбора, 4) аренда бунета и вѣшалки идетъ въ пользу антрепренеровъ, 5) въ теченіе сезона антреприза дастъ одинъ спектакль въ пользу комитета по разбору и призрѣнію нищихъ и т. д.

М. К. Чаплинскій выѣхалъ въ Москву.

Согласно договору, спектакли должны быть начаты съ 15-го октября, но такъ какъ задержка произошла по винѣ антрепризы, то онѣ начнутся нѣсколько позже. По сообщенію «Уральск. Края», сюда присланы предложеніе отъ четырехъ опереточныхъ труппъ, въ томъ числѣ изъ Одессы, гдѣ заканчивающа лѣтній сезонъ одесская труппа состоитъ изъ 70 лицъ, при оркестрѣ изъ 30 человекъ, хора и кордебалета.

Г. Чаплинскій предпологаетъ частью использовать эти предложенія.

Елисаветградъ. Сезонъ открылся съ большой помпой. Въ 2 ч. дня состоялось освященіе театра. Послѣ окропленія зданія св. волюю отъ артистовъ поднесена была А. М. Дорошевичу хлѣбъ-соль и отъ имени товарищей г-жей Степановой было сказано нѣсколько привѣтственныхъ словъ г-жѣ и г. Дорошевичу.

А. М. Дорошевичъ въ короткой рѣчи призывалъ всѣхъ сотрудниковъ къ дружной и совмѣстной работѣ и выразилъ надежду, что всѣ безъ исключенія будутъ стоять на высотѣ своей задачи. Затѣмъ гг. Дорошевичъ и Элькинъ пригласили всѣхъ къ завтраку.

Иркутскъ. По инициативѣ богатаго бурята-филантропа М. И. Бичахонана организуется о-во для содѣйствія музыкальному образованію бурятъ.

Калуга. 26-го сентября открылся зимній сезонъ труппы А. Л. Миролубова, подъ режиссерствомъ Ѳ. А. Строганова-Боброва. Шла пьеса «Игра въ любовь» при переполненномъ театрѣ (сбора 860 р.). Успѣхъ большой.

Кіевъ. 12 октября исполнится 25 лѣтъ литературной дѣятельности самаго популярнаго еврейскаго писателя, сатирика С. Н. Рабиновича, извѣстнаго въ широкихъ слояхъ еврейскаго общества подъ псевдонимомъ «Шоломъ-Алейхемъ».

Г. Шоломъ-Алейхемъ много писалъ и для еврейскаго театра.

— Кружокъ частныхъ лицъ, взявшихъ на себя устройство симфоническихъ концертовъ, открываетъ второй сезонъ своей дѣятельности. Составъ кружка остался прежній и пополнился новымъ членомъ Г. Л. Давыдовымъ. Главное руководительство, по прежнему, принадлежит Н. А. Тутковскому. Въ текущемъ сезонѣ предполагается пять симфоническихъ концертовъ (въ городскомъ театрѣ), дирижерами для которыхъ приглашены: Глазуновъ, Прибикъ, Зилоти и знаменитый французскій дирижеръ Эдуардъ Колони. Солистами выступятъ: гг. Реентоячъ (скрипачъ, лауреатъ Спб. консерваторіи), Тарновскій (піанистъ), Ахрой (скрипачъ) и г-жа Ясеновская (пѣніе). Въ программу войдутъ новинки, въ Кіевѣ еще не исполнявшіяся: шестая симфонія и баллада Глазунова, отрывокъ изъ «Исковитянки» (сцена съ хоромъ) и сюита изъ оп. «Млада» Р.-Корсакова, 2-я симфонія и фортепианный концертъ Рахманинова, бранденбургскій концертъ для оркестра Баха и др. Одинъ изъ концертовъ будетъ посвященъ памяти Н. А. Римскаго-Корсакова.

— Въ Кіевѣ шла на-дняхъ на малорусскомъ языкѣ пьеса Чирикова «Еврей». Въ роли Ліи выступила М. К. Заньковецкая, а въ роли Лейзера—Н. К. Садовскій. Печать отзывается

одобрительно о спектаклѣ. Публика особенно нервно отнеслась къ сценѣ погрома.

— Редакціей «Кіевской Мысли» получены сочувственныя телеграммы отъ г-жъ В. Коммиссаржевской, В. Ильнарской, г. Бравича и др.

Ковно. Здѣсь гастролируетъ еврейская труппа Каминскаго во главѣ съ «еврейской Дузе», г-жей Каминской.

Либава. Съ Либавы (5 октября) начинается концертное турне по Россіи І. Сливинскаго.

Минскъ. Въ Городскомъ театрѣ начались спектакли малорусской труппы А. К. Саксаганскаго.

Могилевъ губ. Драма С. А. Бѣляева. Составъ труппы: Саранчева (героиня и *grande coquette*), Леонова (*ing. dramat.*), Лицманъ, Морская, Зольская, Яковлева, Востоковъ, Гряденская, Раевская, Писарева, Н. стерева, Двинская, Арапова; гг. Мичуринъ—Барщахъ (гер. любов), К. Обленскій (фальт), Барановскій (неврастен.), Е. Бѣляевъ, Поливановъ, Моревъ, Востоковъ, Головановъ, Горбатовъ, Лазаревъ, Лебедевъ, Петровскій, Мочаровъ, Вернеръ, Володинъ, Борисовскій, Петровъ, гл. режиссеръ Я. Славскій, помощн. реж. І. Славо, суфлеръ А. Лебедевъ; декораторы Охорошанскій и В. Ковалевскій, администраторъ А. Востоковъ. Открылся сезонъ 27 сентября «Безпечальными». Ближайшій репертуаръ: «Карьера Наблочкина», «2 X 2 = 5», «Казенная квартира», «Жертва воспитанія», «Наслѣдный принцъ», «Духъ земли», «M-me Sansgêne». Труппа пробудетъ въ Могилевѣ до 15 ноября, затѣмъ до Рождества въ Ковнѣ и съ Рождества до поста—въ Минскѣ.

Нижній-Новгородъ. 1-го октября въ залѣ коммерческаго клуба состоялся концертъ В. Н. Петровой-Званцевой.

Николаевъ. Дирекція Н. Н. Михайловскаго открыла сезонъ «Царемъ Ѳедоромъ Іоанновичемъ» А. К. Толстого. 26 сентября, передъ открытіемъ сезона, въ фойѣ театра былъ отслуженъ молебень, послѣ котораго артистами труппы былъ поднесенъ Н. Н. Михайловскому хлѣбъ-соль. Въ теченіе спектакля получено было много привѣтственныхъ телеграммъ. Между ними—отъ одесскихъ журналистовъ Бялковскаго и Герце-Виноградскаго, отъ антрепренера херсонскаго театра Лебедева, отъ бывшей артистки театра Ковровой—Брянской и др.

Новочернаскъ. Г-жа Дарьялъ, по слухамъ, рѣшила посвятить себя съ будущаго сезона антрепренерской дѣятельности.

Одесса. Въ городскомъ театрѣ состоялся спектакль, посвященный памяти И. С. Тургенева.

Начали спектакль лекціей, прочитанной—«по независимымъ отъ дирекціи», какъ объявлено было со сцены, обстоятельствомъ,—Ѳ. М. Багровымъ, вмѣсто Г. М. Пекатороса. Лекція, какъ лекція, нѣсколько элементарная, какъ будто рассчитанная на неподготовленную аудиторію, но написанная очевиднымъ знатокомъ дѣла,—и прочитана она была г. Багровымъ внятно, мѣстами съ заминками, но въ общемъ достаточно вразумительно и съ подобающими—гдѣ это нужно—оттѣнками. Затѣмъ поставленъ былъ «Вечеръ въ Сорренто», въ общемъ, по отзывамъ одесскихъ газетъ, слабо разыгранный. Гораздо лучше сошелъ «Завтракъ у предводителя».

Вечеръ закончился чтеніемъ одного изъ тургеневскихъ «Стихотвореній въ прозѣ» (г-жа Юренева) и апоэозомъ. Поднялся специально изготовленный вырѣзной роговой занавѣсъ, и на сценѣ на возвышеніи показался бюстъ великаго писателя, утопающій въ растеніяхъ. Сперва торжественно выстроились артисты труппы во фракахъ, слѣва артистки въ бѣлыхъ платьяхъ. Оркестръ заигралъ «Славу» и публика поднялась со своихъ мѣстъ. Стали подходить депутація и возлагать вѣнки у подножія поэта. Первыми подошли г-жи Голубева и Инсарова и возложили вѣнокъ отъ труппы Городскаго театра. Затѣмъ были возложены вѣнки депутаціями отъ украинскаго товарищества «Просвіта»—«Славному письменникови русскаго народа И. С. Тургеневу», отъ польскаго общества «Огниско» съ надписью на польскомъ языкѣ, отъ редакціи «Одесскихъ Новостей» съ надписями: «Свѣтлой памяти И. С. Тургенева» на одной лентѣ и «Нѣтъ ничего сильнѣе и безсильнѣе слова» на другой, редакціи «Одесскаго Листка», отъ ред. «Од. Обозрѣнія» съ надписью: «Они любятъ умѣютъ только мертвыхъ», отъ об-ва попеченія о трудящихся женщинахъ и дѣвицахъ съ надписью: «Великому художнику—провозвѣстнику свободы женщины», отъ театр. школы М. И. Морской: «Пусть роза сорвана, она еще цвѣтетъ», отъ т-ва южно-русскихъ художниковъ—«Великому художнику слова», отъ коммерческаго училища Файга, отъ женской гимназіи Гецевичъ: «Великому пѣвцу женской души». Откликнулась на чествованіе и театральная комиссія. Отъ нея вѣнокъ былъ съ надписью: «Великому писателю земли русской», но депутація почему то не было, и вѣнокъ уже при поднятіи занавѣса лежалъ у подножія бюста.

Въ общемъ чествованіе отличалось подобающей молчаливою торжественностью, и настроеніе публики, собравшейся въ довольно большомъ количествѣ, было приподнятое.

— Въ Сибиряковскомъ театрѣ начались гастроли Маріи Гай.

— Въ «Карменъ», идущей въ субботу для первой гастроли Маріи Гай, Хозе поетъ г. Зиновьевъ, Торреадора—г. Максиковъ. Хозе на 3 и 4 представленіи «Карменъ» будетъ пѣть г. Секаръ-Рожанскій.

— Дирекціей Гор. театра приглашенъ артистъ Никольскій-Федоровъ на амплу «второго салоннаго резонера» (вмѣсто г. Ермакова).

— Въ Гор. театрѣ возобновляются вскорѣ «Полудѣвственницы» съ г-жей Юреновой въ роли Модѣ.

— Газета «За Царя и Родину» обратилась въ театральную комиссію съ запросомъ, почему ея сотрудникамъ не предоставлены почетныя мѣста въ Гор. театрѣ, въ то время, какъ такія мѣста предоставлены редакціямъ всѣхъ газетъ. Театральной комиссіи въ настоящее время не существуетъ, а предсѣдатель ея В. И. Масленниковъ и членъ г. Никитинъ признали эту просьбу не относящейся къ вѣдѣнію комиссіи.

— Въ Гор. театрѣ пойдетъ вскорѣ «Мертвый городъ» Габріэля Д'Аннунціо съ участіемъ г-жъ Голубевой, Юреновой, г-г. Багрова и Горѣлова въ центральныхъ роляхъ.

— Въ театрѣ «Гармонія» съ 9 по 18 ноября будутъ гастролы фарсовой труппы Чернова во главѣ съ польскою артисткой г-жей Ласка.

— «Од. Нов.» такъ характеризуютъ Марію Гай: «Г-жа Гай— артистка, несомнѣнно, очень интересная съ хорошими музыкальными данными и оригинальнымъ, своеобразнымъ талантомъ. Ея игра не производитъ впечатлѣній, — пока можно говорить только о первомъ впечатлѣніи, — тонкой, разработанной въ деталяхъ артистической работы. Ея мазки нѣсколько грубы, ея краски слишкомъ ярки. Но у нея много внѣшняго темперамента, много какой-то странной, своеобразной сценической чувственности».

— Въ городскомъ театрѣ шла «Казенная квартира» Рышкова. «Въ общемъ, — отмѣчаютъ «Од. Нов.», — спектакль публика принимала довольно тепло, что, конечно, нисколько не противорѣчитъ пустотѣ и, если хотите, мѣщанскому облику самой пьесы. Въ постановку режиссеръ вложилъ много труда и далъ нѣсколько подробностей».

— Въ труппу Багрова вступилъ артистъ Горѣловъ.

— 1 октября въ гор. аудиторіи открылись спектакли подъ антепризой г-жи Федоровой-Мерцъ и г. Федорова. Для открытія шла «Цѣна жизни» Немировича-Данченко.

Омскъ. Отъ аренды Омскаго общественнаго собранія для оперетки въ этомъ году Долинъ отказался и намѣренъ перенести свою дѣятельность въ Читу.

Орель. Драматическій сезонъ открылся 28 сентября «Плодами просвѣщенія». Антреприза В. А. Крамолова. Режиссеръ—К. Т. Бережной. Мужской персоналъ: г-г. Левандовскій, Снигиревъ, Бестужевъ, Извольскій, Викторовъ, Самойловъ и др. Женскій: А. И. Малаксіонова, Высоцкая, Далина, Веригина, Прокофьева, Романова. Играютъ въ городскомъ театрѣ.

Пермь. 26 сентября открылся оперный сезонъ труппы подъ управленіемъ А. А. Левицкаго. Часть сезона труппа будетъ играть въ верхне-исетскомъ театрѣ. Въ первую очередь поставлены: «Аида», «Евгеній Онѣгинъ», «Фаустъ», «Пиковая дама». Въ труппѣ—г-г. Евгеньевъ-Дарскій, Рышковъ, Булатовъ, Каневскій, Ленцъ, Леонидовъ, Порубановскій и г-жи: Эйхенвальдъ-Дубровская, Слѣтнева, Менцеръ, Мясникова, Ковалькова и Миловзоръ. Дирижеръ—Павловъ-Арбенинъ.

Рига. Состоялись 3 гастрольныхъ спектакля оперы во главѣ съ г-г. Л. И. Яковлевымъ и Г. Г. Супруненко. Шли: «Евгеній Онѣгинъ», «Кармень» и «Демонъ».

— 29 сентября состоялся концертъ скрипачки-виртуоза Шарлотты Штубенраухъ, при участіи пианистки Ядвиги Вульфійусъ.

— Въ Нѣмецкомъ театрѣ зрители заступились за Г. Гауптмана. Шелъ «Потонувшій колоколъ». Замѣтивъ въ исполненіи артиста г. Фольмера нѣкоторыя вольности и перефразировки относительно текста, зрители заявили протестъ. Зрители слѣдали замѣчаніе дирекціи и потребовали, что-бы Гауптманъ не искажался болѣе при постановкахъ. Приходится почти-точно приподнять шляпу предъ культурными рижанами!..

— У К. Н. Незлобина идетъ повтореніе новинокъ: «Дитя Улицы», «Анатоль» и « $2 \times 2 = 5$ ».

Рязань. Драматическій сезонъ открылся 26 сентября пьесой Запольской «Ихъ четверо».

Самара. Антрепренеръ городского театра Н. Д. Кручининъ, въ виду освобожденія отъ войскъ Пушкинскаго народнаго дома, возобновилъ предъ губернаторомъ ходатайство о сдачѣ ему дома для спектаклей.

Саратовъ. Судьба Очкинскаго театра въ Саратовѣ превратна. Около пяти лѣтъ онъ находится въ рукахъ нѣкоего г-на Борисова, арендатора театра и кафе-шантана, уютно помѣстившагося въ другомъ зданіи, но рядомъ съ театромъ.

Театръ съ каждымъ годомъ падалъ, сдавался ненадежнымъ антрепренерамъ, приходилъ въ упадокъ и запусѣніе. Крахъ слѣдовалъ за крахомъ, а шантанъ процвѣталъ. Г. Борисовъ потиралъ руки и бралъ за ненужный ему придатокъ—театръ основательную арендную плату.

Въ этомъ году въ театрѣ Очкина пріютилось товарищество драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ П. Л. Скуратова. Съ перваго спектакля труппа обнаружила серьезное отношеніе къ дѣлу.

Открыло товарищество сезонъ пьесой Кнута Гамсуна «Драма жизни». Съ внѣшней стороны пьеса была обставлена прекрасно.

Послѣдующіе спектакли сопровождались также большимъ успѣхомъ. Особый успѣхъ выпадаетъ на долю г-жъ Горевои, Максимовой, Ленской, Муравьевой, г-г. Скуратова, Сарматова, Ланскаго и Николаева. Публика считается съ театромъ нѣсколько разъ прошелъ «Король» съ г. Скуратовымъ въ заглавной роли сталъ серьезнымъ конкурентомъ городскому театру.

М.

— 30-го сентября возобновились драматическіе спектакли въ Общедоступномъ театрѣ.

Тифлисъ. Въ субботу, 20 сентября, въ театрѣ «Арт. О-ва» открылся сезонъ драматической труппы г-жи Бѣлѣцкой-Питоевой. Шли «Волки и овцы» Островскаго. Театръ не былъ полонъ и особенно подъема въ публикѣ не было замѣтно.

Вторымъ спектаклемъ въ воскресенье, 21 сентября, шла «Вечерняя зоря» Бейерлейна.

— Г-во арм. драмат. артистовъ, подъ дирекціей армян. драм. о-ва, какъ и въ прошломъ году, будетъ давать по понедѣльникамъ спектакли въ театрѣ «Арт. О-ва». Въ т-вѣ примутъ участіе г-жи Адамьянъ, Мамиконова, Ноникянъ, Меликянъ, Араксянъ, Степанова и Астгикъ и г-г. Зарафянъ, Степановъ, Арутюновъ, Мамиконовъ, Аветянъ. Предполагаются гастролы г-жи Сирануйшъ. Режиссеромъ приглашенъ г. Капанакъ. Сезонъ открывается 6 октября.

Томскъ. Примѣрная программа увеселеній томичанъ. Цѣтируемъ по «Голосу Томска».

Сегодня. Въ зданіи городской управы лоттерей на усиленіе средствъ для постройки богадѣльни «О-ва защиты женщинъ». Начало лоттерей въ 12 час. дня.

Въ театрѣ-циркѣ Стрепетова идетъ пьеса «Нечиста сила» и «Бюскопъ». Начало въ 8 час. вечера.

Въ безплатной библиотекѣ идетъ драма «Натъ Пинкертонъ». Начало въ 8 час.

Въ коммерческомъ собраніи литературно-воинственно-музыкальный вечеръ. Начало въ 8 час. вечера.

Въ желѣзнодорожномъ собраніи продолжена выставка картинъ художника В. Вучичевича. Начало въ 10 час. утра и до 6 час. вечера.

При заводской конюшнѣ мѣстнаго управленія государственнаго коннозаводства второй день выставки лошадей. Открытіе выставки въ 10 час. утра.

Въ театрѣ «Иллюзіонъ» (уголь Почтамской ул. и Ямского пер.) съ 6 час. вечера сеансы шведскаго синемаатографа.

Въ театрѣ Варьетэ «Фантазія» съ 9½ час. вечера — концертъ.

Завтра. Въ театрѣ Варьетэ «Фантазія» съ 9½ час. — концертъ.

При заводской конюшнѣ мѣстнаго управленія государственнаго коннозаводства третій день выставки лошадей. Открытіе выставки въ 10 час. утра.

Въ театрѣ «Иллюзіонъ» съ 6 час. вечера сеансы шведскаго синемаатографа...

И т. д. «Фантазія», заводская конюшня, «Иллюзіонъ» и опять заводская конюшня, «Натъ Пинкертонъ», и «Иллюзіонъ».

Караулъ!

Харьковъ. Открытіе опернаго сезона въ Харьковѣ послѣдовало 1 октября. Была поставлена опера «Евгеній Онѣгинъ». Онѣгина поетъ г. Зелинскій, Ленскаго—г. Долининъ. Новинкой для Харькова явятся въ текущемъ сезонѣ постановки въ среднихъ числахъ октября старинной нѣмецкой оперы Lov-zing'a—«Царь-плотникъ», появившейся впервые на русскихъ сценахъ и въ Петербургѣ и Москвѣ два года тому назадъ. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ дирекція оперы предполагаетъ ставить утренніе спектакли, которые начнутся съ будущаго воскресенья.

— Постановку въ городскомъ театрѣ комедія Шекспира «Много шума изъ ничего», — по мнѣнію «Утра», — нельзя назвать удачнымъ. «Не говоря о полномъ отсутствіи соответствующей обстановки, способной перенести зрителя въ оригинальный романтическій мірокъ, гдѣ фантазія и жизнь причудливо переплелись, приподнимая дѣйствительность и отражая ее въ то же время, касаясь только драматической стороны, приходится констатировать, что она совсѣмъ не попадала въ надлежащій тонъ. Большіе купюры и спѣшность постановки докончили остальное. Неистощимый юморъ и словесное фехтованье, правда, являлись отчасти компенсаціей, вызывая временами дружный, хорошій смѣхъ».

Редакторы-издатели { Л. Г. Мунштейнъ (Solo).
Э. М. Бескинъ.

НА-ДНЯХЪ ВЫХОДИТЪ ВЪ СВѢТЪ

Альманахъ „СПОЛОХИ“ ТОМЪ IV.

Содержаніе:—Т. Ардовъ. „Люди“ разск.—Ю. Александровичъ. „Литературныя замѣтки“ (Нигилизмъ и нео-гилизмъ. Отъ Базарова къ Санину. Была ли у насъ порнографія. Что думаетъ читатель о порнографіи (анкета). Критическій разборъ современ. толстыхъ журналовъ).—Мих. Бескинъ. Стихи.—Ив. Бѣлоусовъ. Стихи.—Ф. Благовъ. Стихи.—Юрій Бочаровъ. Стихи.—Сергій Городецкій. Стихи.—Вл. Гилъровский. Стихи.—Пав. Георгіевъ. Стихи.—Мих. Вакаринъ. „Слѣзия“—повелла.—Пав. Егоровъ. Стихи.—Константинъ Лопатинъ. „Его часть“—разказъ.—Леонидъ Лобачевъ, Lolo. Стихи.—Никаноровъ-Каринскій. Стихи.—Павелъ Плоховъ. „Разбитыя грани“—повѣсть.—А. Поздняковъ. Стихи.—Фаддеевъ-Бобыль. „Сушность искусства“—статья.—Сергій Хазовъ. Стихи.—А. Чернышовъ. Стихи.—Влад. Ютановъ. „Исчерпанные рудники“—повѣсть.

Редакторъ П. Л. Плоховъ.

Все изданіе поступаетъ въ книжные магазины Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ, Москва—Петербургъ.

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Пьесы и Роли“.

Театральный вѣстникъ библіотеки С. Ф. Разсохина.

Москва.

24 №№ въ годъ. Подробныя схемы 240 драматическихъ произведеній.

Театральный вѣстникъ „Пьесы и Роли“ будетъ содержать въ себѣ болѣе или менѣе подробныя схемы цѣлой серіи пьесъ современнаго репертуара; подъ схемой мы разумѣемъ: краткое содержаніе каждой пьесы, характеристику дѣйствующихъ лицъ (роли), а также—сценическую постановку, декорации, костюмы и проч. и проч.

Редакція прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы: 1) популяризировать всякую пьесу, которая будетъ поручена намъ для изданія и распространенія и 2) облегчить выборъ и постановку пьесъ гг. антрепренерамъ, бенефициантамъ и другимъ лицамъ, имѣющимъ непосредственное отношеніе къ драматическому искусству, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, избавитъ гг. сценическихъ дѣятелей отъ лишннихъ и непроизводительныхъ расходовъ по покупкѣ такихъ пьесъ, которыя почему-либо не могутъ быть ими поставлены.

Такова первоначальная программа нашего изданія. Какъ и въ какомъ направленіи мы дѣйствимъ или измѣнимъ въ недалекомъ будущемъ эту программу—укажутъ потребности времени, нашъ личный опытъ и указанія тѣхъ лицъ, которыя сочувственно отнесутся къ нашему изданію.

Условія подписки для гг. городскихъ и иногороднихъ подписчиковъ на годъ, съ 1 Октября 1907 г. по 1 Октября 1908 г., съ доставкой и пересылкою ДВА р. Объявленія за 1 разъ, за строку, послѣ текста 20 р. 1/2 стр. 10 р.; 1/4 стр. 5 р.; 1/8 стр. 3 р.

Полный каталогъ изданій Театральной библіотеки С. Ф. Разсохина съ 1 Января 1875 г. по 1 Сентября 1907 г. высылаются бесплатно.

Изданіе журнала „Рампа“.

РЕПЕРТУАРНАЯ НОВИНКА ПРЕДСТОЯЩАГО
ЗИМНЯГО СЕЗОНА.

„ДУРАКЪ“.

Ком. въ 4-хъ д. Людвигъ Фульда.
Пер. съ нѣмецкаго Э. М. Бескина
и Ф. Р. Къ представленію дозволена 3-го іюля 1908 г. № 6441.

== Цѣна 2 руб. ==

СЪ ТРЕБОВАНІЯМИ ОБРАЩАТЬСЯ:

Москва, Мясницкая, д. № 20, редакція журн. „Рампа“, при типографіи Московскаго т-ва Н. Л. Казецкаго.

Печатается и въ первой половинѣ октября мѣсяца текущаго года поступитъ въ продажу въ изданіи театральной библіотеки С. Ф. Разсохина новая пьеса КНЯЗЯ А. И. СУМБАТОВА.

„ВОЖДИ“.

ПЯТЬ ЭПИЗОДОВЪ ИЗЪ ЖИЗНИ.

Единственное изданіе, по которому пьеса будетъ дозволена къ представленію безусловно. Цѣна 2 руб.; литографированныя роли 3 руб. Разсылка рукописныхъ копій съ этой пьесы хотя бы и въ цензурованномъ видѣ не разрѣшается, о чемъ и заявлено въ Главное Управление по дѣламъ печати. Гг. антрепренеры театровъ въ городахъ: Кіевѣ, Харьковѣ и Одессѣ, желающіе воспользоваться правомъ постановки пьесы „Вожди“ исключительно на сценахъ ихъ театровъ, согласно § 9—б Устава „Общества русскихъ драматическихъ писателей“, благоволятъ войти въ отдѣльное частное соглашеніе съ Сергѣемъ Федоровичемъ Разсохинымъ. Соглашеніе это не освобождаетъ гг. антрепренеровъ отъ уплаты мѣстнымъ агентамъ установленнаго авторскаго гонорара, слѣдуемаго въ „Общество русскихъ драматическихъ писателей“.

Пьесы Б. КАМНЕВА.

- 1) „Гдаль“, драм. этюдъ въ 1-мъ дѣйств. по Э. Оржешко. Цѣна 50 коп.
- 2) „За ночь любви“, каррикатура въ 1-мъ дѣйств. Цѣна 50 коп.

Къ представленію разрѣшены безусловно.

Выписывать можно изъ конторы журнала „Рампа“.

ВСТРѢЧА СЪ АРТИСТАМИ

ВЪ ПОГРЕБѢ

Е. И. Теръ-Арутюнова

преемн. Г. А. АВАНДИЛОВЪ.

До 2-хъ часовъ ночи въ изяшно устроенномъ при погребѣ на Тверской помѣщеніи «бель-этажъ» можно получать шашлыки, приготовляемые специалистами.

ВИНА ПОДАЮТСЯ ПО ЦѢНАМЪ МОЕЙ ВИНоторговли БЕЗЪ ПРИБАВКИ.

Ежедневно партія КАРАЧАЕВСКИХЪ БАРАШКОВЪ со ст. Минералькыя воды.

Тверская, уг. Газетнаго пер., г. Толмачева.

„ШУТЫ“

комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ Замокса, въ стихотворномъ переводѣ Lolo (Л. Мунштейна). Репер. театра Корша.

Цѣна 1 руб.

Продается въ редакціи „Рампа“.

ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО.

Московское Отдѣленіе.

*БОЛЬШОЙ ЗАЛЪ (Больш. Никитская, собств. домъ).***ДЕСЯТЬ ИСТОРИЧЕСКИХЪ КОНЦЕРТОВЪ
СИМФОНИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ**

при участіи большого симфоническаго оркестра и хора подъ управленіемъ

С. Н. Василенко и Ю. С. Сахновскаго,

съ участіемъ Ю. Д. Энгеля (вступительн. слово, предшествующее каждому концерту). Солистами приглашены: Ванда Ландовсна, Телеманъ Ламбрино, М. Н. Мейчикъ, Э. Ш. Чернецкая (ф.-п.); Т. Х. Бубенъ, Ф. Э. Цабель, Жакъ Хандшинъ (органъ); Б. О. Сиборъ (скрипка); С. М. Козолуповъ (віолончель); Е. В. Копосова, М. В. Владимірова, Л. Г. Звягина, А. В. Богдановичъ и И. В. Грызуновъ (пѣніе). Начало концертовъ въ 1 часъ дня, кромѣ 1-го концерта, который состоится въ субботу, 11-го октября, въ 8 час. вечера.

Концерты назначены въ слѣдующіе дни: 11 октября (вечерній концертъ), 26 октября, 9, 16 и 30 ноября, 14 декабря, 11 и 25 января, 15 и 21 февраля.

ЦѢНА АБОНЕМЕНТНЫМЪ БИЛЕТАМЪ НА ДЕСЯТЬ КОНЦЕРТОВЪ:

а) ПАРТЕРЪ: кресла всѣхъ рядовъ—15 руб., стулья 1—14 ряд.—12 руб. 50 к., стулья 15—18 ряд.—10 руб. б) АМФИТЕАТРЪ: середина 1—3 ряд.—10 руб., боковыя мѣста 1—3 ряд.—7 руб. 50 к., 4—10 ряд.—6 руб. в) II АМФИТЕАТРЪ: 1—9 ряды и добавочныя мѣста—4 руб., мѣста въ ложахъ и галлерей—3 руб.

При покупкѣ абонементныхъ билетовъ допускается разсрочка: вносится за 6 концертовъ, и выдается билетъ на первые 5; другая часть абонементной суммы вносится передъ 6 концертомъ, и выдается билетъ на остальные 5 концертовъ. Касса большого зала открыта: въ будни отъ 10 до 5 час. дня, въ праздники отъ 1 до 4 час. дня. Обмѣнъ прошлогоднихъ абонементныхъ билетовъ на новые будетъ производиться до 15 сентября включительно, а съ 16 сентября всѣ оставшіеся билеты поступаютъ въ общую продажу.

ЛЕКЦІИ ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВУ ПРИ КУРСАХЪ ДРАМЫ,

основ. арт. Худож. театра А. И. Адашевым (опыт Академіи искусств).

Систем. 2-хгодичн. курсы энциклопедіи и искусств: исторія внѣшн. культ., исторія искусств: архитектур., живоп., скульпт., музыки и театра, исторія литерат., психологія, эстетика.

Лекціи Л. С. Бакста, А. Н. Бенуа, А. А. Блока, А. Л. Волынскаго, Ф. Ф. Горностаева, Сергѣя Глаголя, С. В. Ножковскаго, Вл. И. Немировича-Данченко, Н. К. Рериха, Викт. Стражева, Н. Г. Тарасова, С. К. Шамбинаго и др.

Спеціальныя „КУРСЫ ДРАМЫ“, преподаватели артисты моск. Худож. театра. Контора открыта. ✱

Подробныя условія: Москва, Б. Тверская, д. № 18, Езерскаго.

Новая пьеса Г. Гауптмана.

„СЕСТРЫ ИЗЪ БИШОФСБЕРГА“

ком. въ 5 дѣйствіяхъ.

Переводъ Э. Бескина. Къ представленію безусловно дозволена („Прав. Вѣстн.“, № 188, 1907 г.).

ЦѢНА 50 КОП.

Включена въ репертуаръ Малаго театра на 1908—09 г.

Складъ изданія: Москва, Георгіевскій пер., театральная бібліотека С. Ф. Разсохина.

Сенсаціонная новинка Берлинскаго „Kleines Theater“,

„2x2=5“

комедія-сатира въ 4 дѣйствіяхъ Густава Вида, переводъ Л. Мунштейна (Lolo) и Э. М. Бескина. Къ представленію дозволена 23 апрѣля 1908 г., № 4212. Въ этомъ переводѣ пьеса включена въ репертуаръ театра Корша 1908—1909 г.

ЦѢНА 2 РУБЛЯ.

Съ требованіями обращаться: Москва, Георгіевскій пер., театральная бібліотека С. Ф. Разсохина.

МУЗЫКА.

Драма въ 4 дѣйствіяхъ, Франка Ведекинда. Переводъ Э. Бескина. Къ представленію дозволена 10 мая 1908 г. за № 4720. Съ требованіями обращаться: Москва, Тверская, д. Бахрушина, кв. 17, Э. М. Бескину.

ПОСЛѢДНІЯ НОВИНКИ

Вѣнскихъ и Берлинскихъ драм. театровъ въ авторизов. переводѣ *Мавр. Туримана* (Репертуаръ театра Ф. А. Корша).

- 1) „СТРАННЫЙ СЛУЧАЙ“, сенсац. комедія въ 4-хъ дѣйств.
- 2) „БРАЧНЫЙ ВОПРОСЪ“, офиц. драма въ 3-хъ дѣйств., Франца Вольфа.
- 3) „СТРОИТЕЛИ СЕМЬИ“, семейная драма, Свенъ Лангэ.
- 4) „ГОЛОСЪ НЕСОВЕРШЕННОЛѢТНЕЙ“, пьеса въ 3-хъ дѣйств., Свенъ Лангэ.
- 5) „ПО ДОРОГѢ ВЪ ДЕПУТАТЫ“, ком. въ 3-хъ дѣйств., К. Фельднера (репертуаръ Вѣнскаго Bürgertheater).
- 6) „ПАРИЖСКІЯ ТѢНИ“, 5 картинъ изъ жизни, Ф. Филиппа.

Безусловно дозволены къ представленію.

Выписывать можно отъ издателя: Театральная бібліотека М. А. Соколовой, Москва, Тверская, Газетный пер., домъ Фальцъ-Фейна.

ТЕАТРЪ ВЪ МАЛАХОВКѢ**ПРОДАЕТСЯ.**

Объ условіяхъ узнать у С. В. Смирнова. Москва, Сивцевъ-Вражекъ, д. Корвина. Лично отъ 6 до 7 ч. вечера. Телефонъ 219—10.

СОЧИНЕНІЯ**Владимира Метцль.**

ДЛЯ ФОРТЕПИАНО. 2 Polonaise: № 1. B-dur. № 2. D-dur. 4 Klavierstücke: № 1. Nocturne. № 2. Capriccio. № 3. Melodie. № 4. Valse. Lyrische Tonbilder: Тетрадь 1. (№ 1—6). Тетрадь 2. (№ 7—12). ДЛЯ ПѢНІЯ РОМАНСЫ: Op. 7. Die Nachtigall (для тенора). Schliesse nur die Augen beide (для альты). Dämmerstunde (для альты). Lied d. Glücklichen (для тенора). Op. 8. Южная ночь (слова Щербини), для сопрано. Проходятъ дни весны (слова Мунштейна - Lolo) для тенора. Шопотъ, робкое дыханье (слова Фета) (для альты и баритона). Op. 9. Es ist so weh meiner Herz (для тено; а и сопрано). Sommerachtsranch (для тенора и сопрано). Am Bach (для альты). In der Morgendämmerung (для альты и баса). Op. 10. Im Kahn (для сопрано и тенора). Jauchze, mein Herz (для сопрано и тенора). ДЛЯ ОРКЕСТРА: „Потонувшій колоколь“, драматическая поэма къ пьесѣ Гергарда Гауптмана. Traumgebilde. Symphonische Fantasie für grosses Orchester. Изданіе Schlesinger'sche Musikalienverlag Berlin, въ Москвѣ у Зайвангъ, Симфонія и др.